

Тори Халлендус

ПРИМАНКА
ДЛЯ ДРАКОНОВ

16+

Тори Халимендис

Приманка для дракона

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Халимендис Т.

Приманка для дракона / Т. Халимендис — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Всем известно о том, что драконы - опасные кровожадные чудовища, похищающие невинных дев. Но что же делать, если одной из унесенных монстром оказалась твоя лучшая подруга? Разумеется, спешить на выручку, прихватив в помощники всех желающих. Правда, в итоге может оказаться, что похищенная дева вовсе не нуждается в спасении...В оформлении обложки использованы изображения с сайта [pixabay](http://pixabay.com) по лицензии СС0

Содержание

Пролог	5
Глава первая	6
Глава вторая	11
Глава третья	15
Глава четвертая	19
Глава пятая	23
Глава седьмая	36
Глава восьмая	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Пролог

Всякому известно, что драконы – существа хитрые, коварные, осторожные и изобретательные. И очень-очень опасные. Убить дракона – задача для каждого уважающего себя рыцаря почетная, хоть и трудновыполнимая. Многие похваляются, что они-де разделались с драконом, а то и не с одним, да вот только с доказательствами у хвастунов туго. Нет, странствующие рыцари, разумеется, тут же лезут в седельные сумки и вытаскивают оттуда разные диковинки. Кто показывает надломанный желтоватый клык, кто пояс из чешуйчатой кожи, кто острый твердый громадный коготь. Да вот только, прямо сказать, хлипковаты эти доказательства. А уж если начать выпрашивать подробности героического боя, то рыцари и вовсе принимаются путаться. Драконы в их повествованиях меняют цвет и размер, расплавленные пламенем щиты вдруг неведомым образом вновь оказываются в руках у героев, а уж что касается местности, где водились чудища – так здесь у тех, кто не сидел сиднем на одном месте, а успел постранствовать по миру, и вовсе слезы на глазах выступают. От смеха.

– Где-где, говоришь, ты видал дракона? В Натумбрии? Да мой свояк в Натумбрии живет, и никаких драконов у них отродясь не водилось. Волки – те да, отару проредили. А драконов не видал никто.

– Запомню я, времени много прошло. Не в Натумбрии, а в Лангестре, по соседству. Вот там он и обитал.

– Да где ж в Лангестре дракону-то поселиться, мил человек? Край озерный, леса редкие, пара низких холмов. Нет, там дракону жилья себе не сыскать.

И то сказать, живьем дракона никто, почитай, и не видел. Зато о привычках и пристрастиях этих чудищ известно было всем и каждому. Во-первых, драконы живут в пещерах. А спят непременно на горах сокровищ. Спать на золоте и камнях, должно быть, жестковато, да и в целом неудобно, но так уж у драконов заведено. Во-вторых – и это вытекало из во-первых – к драгоценностям драконы питают непреодолимое пристрастие. Всякий уважающий себя дракон непременно должен обзавестись сокровищницей и старательно пополнять оную. Само собой, в драконьи сокровищницы люди не допускались, однако же слухи о несметных богатствах ходили по всем землям. И что с того, что никто эти груды драгоценностей в глаза не видал? Главное, что об их существовании известно всем, от короля до нищего, от младенца до убеленного сединами старца. Потому-то рыцари и охотятся на мерзких чудищ – желают снискать не только славу, но и богатство. А в-третьих, дракон не будет драконом, если не похитит юную непорочную деву. Желательно принцессу, конечно. Но за неимением особы королевской крови может сойти и девица попроще.

Глава первая

Жаркий летний день клонился к закату. Духота еще не спала, но солнце уже не припекало так жаростно, словно желало сжечь все живое. Удравшие от многочисленной шумной родни Грета и Петер повалились, хохоча, прямо в стог сена. Поначалу девушка шутливо отбивалась, а потом позволила жениху сорвать поцелуй с нежных розовых губ. О больших вольностях, однако, до свадьбы и думать запрещено было. Потому-то Петер нехотя и оторвался от невесты, а потом улегся рядом с ней. Грета пристроила голову у него на плече и вздохнула:

– Хорошо-то как.

– Хорошо, – лениво согласился Петер.

От нагретого за день сена шел уже утративший остроту травяной запах, немного прелый, немного медовый. Сердито жужжал рядом потревоженный шмель, и Грета махнула рукой, отгоняя его. Рука была небольшая, но крепкая, с твердыми мозолями на ладони и веснушками на тыльной стороне. Во время вечерних посиделок Петеру нравилось незаметно к ней прикасаться, поглаживать слегка загрубевшую кожу. Грета в такие моменты слегка сжимала его ладонь в ответной ласке и сразу же отпускала.

Небольшие пушистые облака на западе уже окрасились в золотисто-багряный цвет. Солнце медленно опускалось за лес, казалось, утомившийся и задремавший от жары. Полудрема охватывала постепенно и Грету, оттого-то она сначала и решила, будто ей пригрезилась взмывшая из-за холма огромная темная птица. Но Петер резко сел, а потом упал на подругу, придавил ее своим телом и испуганно шепнул:

– Не двигайся!

– Да что с тобою? – сонно удивилась она.

А от его ответа с Греты мигом слетела сонливость, уступив место липкому холодному ужасу, заставившему покрыться гусиной кожей, несмотря на жару.

– Дракон!

Огромная черная тень на миг скрыла солнце, и Грета испуганно пискнула:

– Ой!

Петер тут же зажал ей рот ладонью. Сам он трясущимися побелевшими губами беззвучно шептал молитву, скорее по привычке, нежели в надежде на божественное вмешательство.

Дракон сделал неспешный круг над полем, разминая крылья. Если он и заметил две жалкие трясущиеся от ужаса человеческие фигурки, то они его не заинтересовали. И то сказать, ни на тучных быков, которыми можно славно перекусить, ни на золотые слитки, которые никогда не будут лишними в сокровищнице, ни на прекрасных девственных принцесс, которых драконы имели обыкновение похищать, влюбленная крестьянская парочка не походила. Гигантское чудовище бросило на ровный ряд стогов сена равнодушный взгляд и неспешно полетело прочь.

В зажмуренные веки Петера снова ударил яркий свет. Он открыл глаза и обнаружил, что подруга обмякла и лишилась чувств. Он похлопал ее по бескровным щекам, сначала осторожно, потом посильнее.

– Грета! Грета, да очнись ты! – звал он срывающимся голосом. – Надо бежать в деревню, предупредить старосту. Грета!

Добежав до деревни, Петер понял, что они могли бы и не торопиться. Небольшая площадь перед храмом была запружена народом. Тихо всхлипывали перепуганные детишки, крепко цеплявшиеся за материнские юбки. В голос выли Хильда и Уна, сестры-погодки недалекого ума, прислуживавшие в доме старосты. Мужики стояли мрачные, кто-то тихо переругивался, кто-то сплевывал на землю, и почти все сжимали кулаки. У побледневших баб тряслись

губы. То и дело кто-то порывался присоединиться к вою Хильды и Уны, но тут же умолкал после крепкой затрещины, отвешенной недрогнувшей рукой.

– А ну цыц! Чего удумала?

Сестер же никто не трогал, потому как чего со скудных умом возьмешь? Да и не было над ними мужика, кроме разве что старосты да священника. Отец их давно помер, а взять некрасивых старых дев в жены никто не польстился. Вразумлять же оплеухами принято было лишь своих баб.

Двери храма распахнулись, и на крыльце появились двое: сухощавый седобородый слуга и староста, крепкий черноусый мужик средних лет. Толпа заволновалась, зашумела, пришла в движение, подалась поближе к храму.

– Лот! – раздался выкрик, и Петер, приглядевшись, узнал кричавшего, вдового нелюдимого Киппа. – Лот, что делать-то будем? С места сниматься аль погодить?

Вопрос Киппа словно послужил сигналом к всеобщему бурному обсуждению. Голоса повышались до криков, и вскоре Петер смог улавливать лишь отдельные реплики.

– Куда сниматься? Ты думай, что мелешь! Жнива толком не закончились...

– Дом и скарб на себе потащишь?

– Молчи, дура! Какой скарб, тут бы жизнь сохранить!

– Так улетело чудище-то...

– Лора, ступай, грузи в телегу...

– А ну цыц! – перекрыл гомон громовой голос старосты Лота. – Всем молчать и слушать меня!

Селяне разом умолкли, уставившись на старосту. Крепка была в них привычка почитать власть и полагаться на оную в любых спорных вопросах.

– Значит, так, – размеренно проговорил Лот, убедившись, что все ему молча внимают, – никто никуда трогаться не будет. Надо погодить и убедиться, что дракон улетел и больше не вернется. Ежели оно так и есть, то жизнь пойдет своим чередом. А нет – тогда и решать будем. Сейчас же расходимся все по домам.

– И совсем ничего не делаем? – неожиданно для самого себя звонко спросил Петер.

Лот посмотрел на него с прищуром.

– Отчего же не делаем? В замок посыльного отправить требуется, известить. Вот ты и поедешь, коли разумный такой.

– Ваше сиятельство! – Отто, невысокий худощавый светловолосый парнишка, влетел в кабинет, размахивая руками. – Ваше сиятельство!

Граф Эгон Рабберийский оторвался от доклада и с неудовольствием посмотрел на секретаря. Никогда прежде Отто не позволял себе подобного поведения. Никак заболел?

– Ступай к лекарю, Отто, пусть проверит, нет ли у тебя жара. Покраснел ты больно уж подозрительно. Вот только лихорадки нам здесь не хватает.

– Ваше сиятельство! – вместо того, чтобы послушно уйти, Отто в возбуждении повысил голос, что только укрепило графа в правильности его догадки. – Ваше сиятельство, там парень из деревни! Вам необходимо его срочно принять.

Эгон вздохнул и поморщился. Похоже, у секретаря начался бред. Срочно принять парня из деревни?

– Отто, послушай меня, – проникновенно произнес граф и заглянул в светло-голубые глаза бедолаги. – Приемный день ведь был на той неделе, так? Следовательно, сегодня я крестьянскими тяжбами не занимаюсь. Объясни пареньку, когда ему следует прийти.

Отто похлопал светлыми ресницами, сдвинул бесцветные редкие брови и упрямо повторил:

– Ваше сиятельство, вы должны выслушать этого парня. У него срочное донесение.

– Немедленно ступай к лекарю! – разозлился граф.

– Я не болен, ваше сиятельство, – возразил Отто. – Просто взволнован немного. Все же не каждый день услышишь о драконе.

От неожиданности пальцы графа сами собой разжались, выронив перо. На светлой бумаге расплзлась неприглядная клякса, скрыв за собою сумму, необходимую для восстановления моста через небольшую, но бурную речушку, протекавшую по территории графства.

– Дракон? – переспросил его сиятельство. – Но это ведь невозможно! В нашем графстве этих монстров отродясь не водилось!

– А теперь вот завелись! – непочтительно выкрикнул Отто. – И даже свидетель имеется!

Однако же графу весьма не хотелось верить в столь пугающие известия.

– А можно ли ему доверять, этому свидетелю? Вдруг он перегрелся на солнце, вот ему и примерещилось неведомо что? – с надеждой спросил Эгон.

Отто пожал плечами. Он и сам бы с радостью поверил в то, что дракон был всего лишь вымыслом недалекого селянина, но парень был столь убедителен...

– Ладно, – снова вздохнул граф. – Так и быть, зови его сюда.

Петер изо всех сил старался держаться степенно и не вертеть головой со слишком уж откровенным любопытством. Получалось, надо сказать, так себе. Шутка ли – в кои-то веки посчастливилось попасть на прием к самому графу, да еще и не в зал, где тот обыкновенно выслушивает просителей, а в личный кабинет! Когда еще такой случай представится? То-то и оно, что никогда! Стало быть, надо рассмотреть все как следует, чтобы было о чем потом рассказывать восторженно внимающим односельчанам, а особенно – Грете.

На секретаря Петер отвлекаться не стал – нагляделся на него еще в приемной. Вот графа вблизи видеть прежде не довелось, потому на него и бросались взгляды искоса. Темно-каштановые волосы завивались внизу в крупные кольца, зеленые глаза смотрели внимательно, и под взглядом их Петер почувствовал себя неуютно. Нос с горбинкой, выступающие скулы – да, никто не спутал бы графа с деревенским увальнем. Особенно – Петер бросил взгляд на украшенную массивными перстнями руку – выдавали происхождение кисти с узкими запястьями и длинными пальцами. Не то, что у самого Петера – ручища такая, что кулаком и убить можно, особенно если размахнуться как следует.

Кабинет произвел на парня впечатление ничуть не меньшее, нежели хозяин замка. Стены, оббитые панелями из темного дерева, так и манили прикоснуться к ним, погладить причудливую резьбу. В шкафу на полках теснились во множестве книги – за всю жизнь столько не перечитать! Даже в храме их было в разы меньше. Чернильница была сделана не иначе, как из золота – это Петер отметил особо, дабы не забыть столь важную деталь. Бумаги же, лежащие перед графом, рассматривать даже и не пытался. Если вдруг что и разберешь в них – так себе же хуже. Вряд ли графу по сердцу придется, что какой-то деревенщина на его письма пялится.

– Значит, это ты видел дракона? – вернул Петера в действительность голос Эгона Рабберийского.

– Я, ваше сиятельство. Да не только я, его, почитай, вся деревня увидала.

– Вся деревня, говоришь? А из какой ты деревни будешь?

– Из Круглых Холмов, ваше сиятельство. Меня, значит, сразу к вам направили, как только чудище увидали. Доложить о том, что завелся у нас дракон.

Граф страдальчески вздохнул, сделал знак секретарю и приступил к расспросам. Итог разговора был неутешителен: пришлось признать, что на территории графства дракон таки поселился. И с этим необходимо было срочно что-то делать.

На Большой Совет съехались все, кто не смог придумать достойной отговорки. Так, Бонифаций Кратберский сказался больным, а у Дедерика Роттарского как раз вздумала ошениться

любимая борзая. Всякому понятно, что отлучаться в такой момент никак нельзя. Прочие же приглашенные предлога для отказа найти не смогли, потому и вынуждены были прибыть в замок Эгона Рабберийского, обсудить некое таинственное "неотложное дело".

– Небось жениться удумал, – проворчал приземистый плешивый барон Джакоб Левренский.

– Полагаю, что нет, – возразил сосед барона, долговязый рыжебородый виконт Годфрид Преттольский. – Эгон, если и решит надеть ярмо на шею, так с нами советоваться не станет. На свадьбу пригласит – и все. Нет, здесь дело в чем-то ином. И ставлю бочонок лучшего вина из своего погреба против кружки браги, что ничего приятного нас не ожидает. Чует моя левая пятка, известия нам выложат пренеприятнейшие.

Годфрид давненько уже страдал подагрическими болями, так что к предчувствиям его левой пятки все соседи относились уважительно. Не подвела она своего хозяина и на сей раз.

В известие о драконе высокое собрание поначалу даже верить не желало, полагая новость на редкость дурным розыгрышем, хотя к подобным Эгон никогда склонен не был.

– Да никто никогда не видел на наших землях драконов! – горячился Джакоб. – Признайтесь, это всего лишь глупая шутка!

– Увы, нет! – отрезал граф. – Отто, будь любезен, передай господину барону копии протоколов.

– И что? – взвыл барон, мельком просмотрев бумаги. – Подумаешь, напились жители этих Круглых Холмов на свадьбе или на похоронах, вот им дракон и примерещился.

– Листайте дальше, барон, – меланхолично посоветовал хозяин замка. – Помимо Круглых Холмов, чудище пролетело еще над тремя деревнями. Их жители были опрошены моими людьми со всем должным пристрастием. Как не прискорбно мне констатировать данный факт, но дракон действительно существует. Следовательно, угроза нависла над всеми нашими землями. И в наших общих интересах решить, что делать, как можно скорее.

– Если дракон поселится у Бонифация, я не буду против, – мстительно заявил виконт Вирнольский. – Поделом ему будет.

О вражде Руперта Вирнольского и Бонифация из-за разделяющего их владения леса соседям было известно прекрасно. Лес был не слишком большим или густым, зато по осени в нем можно было собрать немало белых грибов, а еще – подстрелить упитанного зайца. Никто из спорщиков не желал уступить соседу столь лакомый кусок, а обратиться в герцогский суд оба опасались – а ну как его светлость отдаст землю другому?

– Обьест Бонифация и полетит дальше, – возразил Руперту Годфрид. – Тем более, что владений у вашего соседа, как всем известно, всего-то две деревеньки, дракону на один зуб. Нет, господин граф прав. Требуется принять срочные меры.

– Вызвать драконоборцев? – предположил Джакоб.

Это предложение было встречено всеобщим унынием. Драконоборцев в знакомых ни у кого не водилось.

– Герцогу я уже отписал, авось пришлет кого-нибудь, – без особой надежды сообщил граф. – А пока подумаем, что еще мы можем предпринять.

– Отравить дракона, – предложил молодой Берхард, один из сыновей виконта Вирнольского.

– Каким же это, позвольте поинтересоваться, образом? – ехидно осведомился Годфрид.

– Можно вылить отраву в реку или озеро, – неуверенно ответил Берхард.

– И напоить две-три деревни, – съязвил Джакоб. – Крестьяне напьются точно, а вот дракон не обязательно. Откуда нам знать, где он устроит себе водопой?

Берхард приуныл. План, показавшийся ему столь блестящим, на поверку оказался на редкость глупым. Следующее предложение – подсунуть дракону отравленную овцу либо корову – он и озвучивать не стал.

– Можно устроить засаду, – заявил Альтман Трапийский. – Против десятка-другого лучников дракон, полагаю, будет бессилен.

– План неплох, – одобрил Эгон. – Вот только где ее устраивать, эту засаду? Не будет же отряд лучников носиться по всему графству. Даже очень глупый дракон в таком случае заподозрит подвох. А наше главное оружие – неожиданность.

– Значит, надо подсунуть чудищу приманку, – весомо сказал Джакоб. – Таковую, чтобы дракон не смог пролететь мимо.

– А что, – оживился Отто. – Ваше сиятельство, если увеличить налоги вдвое, то можно собрать достаточно золота, чтобы...

– Никакого золота, – оборвал не в меру разговарившего секретаря барон. – У меня есть предложение получше. Гораздо, гораздо лучше.

Глава вторая

– Да он с ума сошел!

Леона в ярости отшвырнула гребень. Сейчас она, высокая, стройная, белокожая, с разметающимися по спине темно-рыжими волосами, походила на легендарных воительниц из древних сказаний. Синие глаза сверкали, нежные руки сжались в кулаки.

– Повтори-ка еще раз, что сказал мой дядюшка?

Эрна, хрупкая невысокая зеленоглазая блондинка, опустилась в кресло и обхватила себе руками, будто она замерзла. Впрочем, несмотря на жаркий августовский полдень, в комнате все равно было прохладно. Толстые каменные стены, казалось, не пропускали тепло, а сквозь высокое небольшое оконце свет пробивался с трудом. Обстановка тоже не наводила мысли о роскоши. Крошечная тесная комнатка скорее бы подошла сестре какого-нибудь исповедующего аскезу ордена, нежели юной знатной девице. Но барон Джакоб Левренский держал своих воспитанниц в строгости. Будучи бездетным сам, он являлся опекуном двух сирот, Леоны и Эрны. Первая была его кровной племянницей, а вторая – дальней родственницей его супруги. Госпожа баронесса целиком и полностью одобряла воспитательные меры мужа.

– За девицами глаз да глаз нужен, – частенько повторяла она. – Нынешняя молодежь далеко не столь благонравна, нежели были в их возрасте мы. Но ничего, уж я-то свой долг знаю и воспитаю девчонок достойно, не будь я Юта Левренская!

Представления о достойном воспитании были у госпожи Юты, надо признать, несколько странные. Она полагала, что девушкам надлежит проводить время не в праздностях и увеселениях, а в работе и молитвах. И если застенчивая Эрна не решалась спорить с тетюшкой, то своевольная Леона не желала повиноваться родственнице.

– Что дурного в простой прогулке? – бывало, спрашивала она. – Или в чтении книг о путешествиях и приключениях?

Юта, весьма любившая почитать перед сном душещипательные слезоточивые истории, в ответ на вопросы воспитанницы начинала сердиться.

– Молитвенник читать надо и жизнеописания святых! Вредно забивать голову романтической чепухой. Пока вы, девочки, живете под нашей крышей, мы с господином бароном отвечаем перед богами и людьми за ваш моральный облик. Никто, никто не сможет упрекнуть нас в том, будто мы вас дурно воспитали.

– Зато мы сможем упрекнуть в растрате наших денег, – в злую минуту иной раз огрызалась Леона.

Лицо Юты от подобных упреков покрывалось неравномерными багровыми пятнами, глаза прищуривались, а губы поджимались. Нахальная девица была права, но баронесса никогда бы ни за что не признала этого вслух.

– Да что ты можешь понимать в денежных делах? – шипела она. – Господин барон благодетельствовал тебя, неблагодарную, дал кров, пищу и одежду. А ты смеешь говорить о нем столь вопиюще лживые слова! Да как у тебя язык только не отсох!

Кров был неудобным, пища скудной, а одежда больше пристала бы прислуге, но об этом госпожа Юта предпочитала умалчивать.

– Ничего, – ободряла Леона Эрну, когда девушки оставались вдвоем. – Выйдем замуж, и больше барон нам указывать не посмеет.

– Да за кого нам замуж идти? – уныло возражала Эрна. – За конюха или за лакея? Дядюшка ведь не только нас не вывозит в свет, но и к себе никогда почти неженатых не приглашает. А если кто из его приятелей и заявит вдруг с сыновьями, так тетюшка орлицей следит, чтобы мы не могли, не дай боги, встретиться с молодыми людьми. Трапезничать нас вместе с гостями не зовут, а если кто вдруг спрашивает, то любопытствующему отвечают, что

воспитанницы господина барона отличаются хрупким здоровьем, вот и захворали. А нас тем временем держат взаперти.

– Конечно, дядюшке невыгодно замужество любой из нас, – соглашалась Леона. – Тогда ведь придется отдавать приданое будущему супругу. Разве что только кто из его стариков-приятелей пожелает взять молодую жену и закроет глаза на то, что не получит причитающегося по закону.

Эрна после этих слов ежилась в испуге.

– Нет, лучше уж остаться старой девой, чем выйти, например, за господина Августа или господина Родерика, – бормотала она, припоминая вдовых друзей Джакоба. – Первый еле ходит даже с тростью, а второй столь тучен, что даже встать с кресла без посторонней помощи не способен. А если верно то, что говорила Фанни о супружеской жизни, то жене господина Родерика придется несладко.

При упоминании рассказов молоденькой горничной Фанни обе девушки заливались стыдливым румянцем и принимались хихикать. Но да, будущая возможная супруга толстяка вызывала лишь жалость.

– А мы к самому герцогу обратимся, – отважно предлагала бойкая Леона. – Все-все ему напишем, он и велит дядюшке подобрать нам подходящих супругов.

Эрна только лишь вздыхала. Подруга жила в замке барона лишь третий год, вот и не успела растерять боевой запал. Сама же Эрна давно смирилась с собственной судьбой.

– Не думаю, что наше письмо дойдет до герцога, – грустно говорила она, – а даже если и дойдет, то какое его светлости до нас дело?

Написать герцогу Леона так и не успела, потому как господину барону в голову пришла совершенно неожиданная идея. Вернувшись с Большого Совета у графа Эгона, Джакоб, довольно потирая руки, объявил, что намерен стать ни больше ни меньше как спасителем всех северных земель от кровожадного дракона. И что он очень рассчитывает на помощь своих милых племянниц в столь благородном деле. И вот теперь Леона металась по небольшой комнатке, не в силах поверить услышанному.

– Что он тебе предложил?

– Уговорить тебя, – понизив голос почти до шепота, отвечала Эрна. – А за это дядюшка возьмет меня с собой в замок господина графа и позволит подыскать себе супруга. Он сказал, что выбор у меня будет богатый: у господина Эгона гости не переводятся. А еще, если я буду достаточно ловкой, то и самого графа сумею захомутать.

Леона выругалась вполголоса, припоминая все слова, что сказал пьяный конюх Фриц, свалившись с лестницы. Эрна ожидаемо прижала ладони к разом запыхавшим щекам.

– Ой!

– И этого еще мало для нашего драгоценного опекуна, – мстительно прошипела Леона. – Пусть он еще получит *** в ***.

– Леона! А это ты где услышала? Фриц такого точно не произносил?

Любопытство Эрны явно пересиливало возмущение, и Леона рассмеялась, несмотря на то, что гораздо сильнее ей хотелось заплакать. А еще больше – пойти к дядюшке и опустить на его умную голову парадный серебряный поднос с инкрустацией. Этот поднос даже дородная кухарка удерживала с трудом, но Леона не сомневалась, что у нее хватит сил, чтобы размахнуться как следует.

Эрна вдруг вскочила с кресла, бросилась к Леоне, обхватила ее руку ледяной ладонью.

– Ты только не соглашайся, слышишь? Я потому тебя и предупредила, что знаю твое сумасбродство. Господин барон, конечно, расскажет тебе, что затея безопасна, что отряд лучших лучников будет наготове, что с твоей головы и волос не упадет. Только ты не верь ему, прошу тебя. Это ведь дракон, самый настоящий, такой, как в древних сказаниях! Огнедышащий кровожадный монстр! Если господину барону так уж нужна приманка, пусть посадит в

клетку госпожу Юту. Авось с высоты чудовище и не разберет, что она не так молода и красива, как ему бы хотелось.

Леона сдавленно захихикала.

– Сомневаюсь. Дородность госпожи Юты и с небес разглядеть можно. Разве что нам попался совсем уж полуслепой дракон, но что-то я в этом сильно сомневаюсь. Но ты не печалься, Эрна. Я обязательно что-нибудь придумаю. Дядюшка еще пожалеет о своей затее.

Джакоб внимательно рассматривал стоящую перед ним племянницу. Да, девчонка на редкость дерзка и непочтительна. Даже совместных усилий барона и баронессы не хватило, чтобы научить ее смотреть на опекуна, как подобает, с уважительным смирением. В прищуренных синих глазах Леона горело строптивое пламя, подбородок был упрямо поднят, а от хрупкой фигурки так и веяло высокомерием и неповиновением. Спина прямая, лопатки сведены, голова вскинута, будто разговаривает не со своим благодетелем, а с недостойным простолюдином. Все-таки хорошо он, Джакоб, придумал, пообещав Совету предоставить подходящую приманку для дракона. Барон нутром чувствовал, что Леона способна принести ему неприятности. Доверенная служанка не столь давно донесла, что рыжеволосая бестия подговаривает Эрну написать письмо герцогу. На это известие Джакоб только хмыкнул: перехватить бумагу – дело нетрудное. Но вот сообщение о том, что Леона подумывает о побеге в случае неудачи с письмом, заставило барона призадуматься. Отказать воспитаннице в уме и сообразительности он никак не мог, стало быть, следовало принять меры, да посерьезнее. И тут так удачно подвернулся этот дракон! Джакоб даже готов был принять монстра за знак свыше и расцеловать при – упаси боги! – встрече чешуйчатую морду. Требовалось только одно: уговорить племянницу добровольно принести себя в жертву. Но здесь Джакобу повезло: у строптивицы имелось слабое место. И барон был намерен им воспользоваться.

Он кивком указал Леоне на кресло.

– Присядь, дорогая. Разговор будет долгим. Желаеть воды? Или велеть принести сидра?

Леона бросила на него подозрительный взгляд. Барон вызывал воспитанниц в свой кабинет лишь для того, чтобы отругать их от души. И все то время, что он распекал девушек, они вынуждены были стоять перед опекуном. Само собой, ни о каких напитках для ослушниц и речи не шло.

– Я вам так нужна, дядюшка? Без меня с драконом не справиться?

– Значит, Эрна уже поговорила с тобой? – просиял Джакоб. – Это хорошо, очень хорошо. Ты разумная девочка, Леона, и должна оценить выпавший вам шанс. Разумеется, было немало желавших привезти к графу своих родственниц, но я сумел уговорить Совет, чтобы выбрали тебя. Да, мне пришлось приложить немало усилий, но все-таки господин граф со мной согласился. Нам повезло, Леона, что твой недостаток можно обратить в данном случае в достоинство. Твои рыжие лохмы видны издалека, и дракон непременно их заметит.

Леона прикоснулась к заплетенным в толстые длинные косы блестящим волосам. Только любезный дядюшка мог назвать их лохмами! Хотя нет, тетушка выбирала обыкновенно куда менее лестные выражения в адрес воспитанниц. Леона искренне полагала, что из зависти: шевелюра госпожи баронессы густотой не отличалась, да и в целом Юта не могла похвалиться приятной внешностью. Невысокая, тучная, с небольшими водянисто-голубыми глазами навывкате, тремя подбородками и крупным носом, она не отличалась красотой даже в юности. Джакоб прельстился скорее ее приданым, нежели обольстительной внешностью. А с годами сварливый нрав наложил свой отпечаток на лицо баронессы, прочертив глубокие складки у губ с опущенными уголками и придав ей сходство с изображенным на одном из гобеленов горным троллем. Проходя мимо вышитой картины, Леона обычно с трудом удерживала смех – до того отвратительное создание напоминало ей тетушку.

– Вам невероятно, сказочно повезло, – разливался между тем соловьем Джакоб. – Я ведь могу взять с собой ко двору господина графа не только тебя, но и Эрну. Сама подумай, когда еще вам представится такая возможность свести знакомство с блестящими молодыми рыцарями из окружения самого графа!

– Простите, дядюшка, но пока мне представилась только возможность свести знакомство с кровожадным огнедышащим чудищем. Возможно, это самый великолепный в своем роде блестящий молодой дракон, вот только меня предстоящая встреча все равно почему-то не радует.

Барон побагровел, набрал воздуха в грудь и приготовился разразиться гневной тирадой в адрес нахальной девчонки, не ценящей своего счастья, но быстро передумал и шумно выдохнул.

– Ты боишься дракона, дорогая Леона? Право же, не стоит. Сам господин граф ручается за твою безопасность. Он предоставит отряд лучших лучников для твоей охраны. Не переживай, ты останешься цела и невредима.

Но упрямица только качала головой. Разозлившись, Джакоб выложил главный козырь.

– Я еще не говорил вам с Эрной, не хотел радовать прежде времени. Но недавно я получил замечательные брачные предложения. Поскольку очереди из женихов ни к одной из вас не наблюдается, я буду вынужден их принять. А вы должны быть рады, что столь достойные господа обратили на вас свое внимание, – заявил он.

И по побледневшему лицу племянницы с радостью осознал, что удар достиг цели.

– Можете начинать приготовления к свадьбе, – старательно добивал он Леону. – По такому поводу и тебе, и Эрне надо будет сшить новые наряды. Пусть это и ввергнет меня в непредвиденные расходы, я распоряжусь, чтобы госпожа Юта выделила вам ткани из своих запасов. И какие-то кружева, что ли. Словом, все, что понадобится. Неоправданная щедрость, да ладно уж. Все-таки не каждый день я отдаю драгоценных племянниц замуж.

Глава третья

Он приехал, когда над замком уже сгустились сумерки. Ворота еще были открыты, но стражники посмотрели на незнакомца с подозрением. Лошадь, несомненно, была хороша, а вот одежда всадника смотрелась небогато. Хотя запыленные сапоги были мягкими и удобными даже на вид. Поди разбери, кто он такой?

– Стоять! – окликнул всадника старый Дерек. – Кто таков будешь и по какой надобности едешь?

Он остановился и улыбнулся, отчего на левой щеке отчетливо обозначилась ямочка. Молодой, черноволосый, сероглазый – картинка, да и только! Лишь темные круги от усталости под глазами придавали ему несколько болезненный вид. Впрочем, дамы такое любят, полагают признаком натуры романтической.

– Я к господину графу, отец, – произнес он приятным баритоном. – Прослышал, будто ему драконоборец требуется, вот и прибыл.

– Драконоборец! – ахнул Дерек, от волнения едва не уронив алебарду. – Да неужто услышали боги наши молитвы? И что, сумеешь чудище одолеть?

– Не попытавшись – не узнаешь, – веско сказал незнакомец. – Но я обещаю приложить все усилия.

– Ох, господин хороший, – засуетился стражник, – вы погодите, я сейчас Берга кликну, он вас прямо к графу и сопроводит, чтобы вы, значит, времени не теряли. Эй, Берг! Берг!

– Чего тебе? – лениво отозвался широкоплечий бородатый детина, выглядывая из небольшого окошка.

– Поди сюда, Берг! У нас тут важный человек к самому господину графу пожаловал! Берг широко зевнул, показав крепкие крупные зубы.

– Важный господин, говоришь? Да таких важных господ к господину графу добрый десяток на день попасть желает.

– Ты не разглажься, а беги сюда немедленно! – разозлился Дерек. – Господин этот, чтоб ты знал, не кто-нибудь там, а самый настоящий драконоборец!

Круглая физиономия Берга тут же исчезла из окна, а вскоре сам Берг вылетел к воротам. Был он, как и сумел разглядеть странник, крепким и широкоплечим, вот только ростом не вышел, отчего и выглядел презабавно, таким квадратом. Но общей свирепости его вида это не умаляло, и повторного взгляда на Берга хватало всякому, чтобы отбить желание посмеяться. Сейчас же бородач суетился вокруг новоприбывшего.

– А скольких драконов вы уже победили, господин? – уважительно спросил он.

Вопреки ожиданиям, драконоборец не полез в сумку с целью вытащить и продемонстрировать острый загнутый коготь или пожелтевший огромный зуб, а ограничился кратким ответом:

– Достаточно.

"Достаточно для чего?" – чуть было не ляпнул простодушный Берг, но вовремя прикусил себе язык. Сердить драконоборца не следовало.

– Славното как, что вы к нам пожаловали, – простодушно радовался стражник. – У его светлости, поговаривают, хитрый план по изведению чудовища имеется, да вот только с драконоборцем оно вернее будет, так?

– А что за план? – заинтересовался странник. – Знаешь?

– Да откуда бы мне, господин хороший? Так, слыхал только, о чем слуги поговаривают.

– И о чем же?

– Да вот аккурат вчера, – Берг понизил голос, – прибыл к графу барон Левренский. Тот еще, доложу я вам, жучара. Каждый раз по приезду на воротах торгуется, пошлину за

въезд в полном размере платить не желает. И с ним приехали две девицы, обе, по слухам, красотики. И вот их-то и хотят принести в жертву дракону, чтобы он, значит, девиц забрал и улетел подальше.

– И что, ваш граф на такое согласился? – нахмурился драконоборец.

– Не могу знать, – ответил Берг. – Вообще-то на господина графа не похоже. Не стал бы он этакое беззаконие на своих землях позволять. Да вот только дракон уже трех овец утащил из Круглых Холмов – это деревня такая, неподалеку находится. А с кого крестьянам убыток стребовать? Не с дракона же? Вот они и отравили к графу просителей, поскольку он им хозяин и защитник. А раз уж от монстра не уберег, то, стало быть, деньгами помочь мог бы.

– Овцы, значит, – пробурчал себе под нос незнакомец. – Все ясно.

Стражник не стал переспрашивать. Ему и без того были понятны мысли молодого драконоборца. Да что там – Берг и сам испытывал жалость к никогда им не виденным юным красавицам. Вот только иметь прямо под боком дракона ему ну никак не улыбалось. Драконоборцу-то что – он сегодня здесь, завтра там. А обитателям графства себя обезопасить хотелось, и их понять можно. "Лучше уж так", – думал Берг. Девиц было жалко, но себя еще жалче.

Отто осторожно поскребся в дверь, потом опасливо просунул голову в небольшую щель: его сиятельство после разговора с бароном Левренским изволили пребывать не в духе, и секретарь вполне справедливо опасался за целостность собственной физиономии. Нет, до рукоприкладства граф никогда не опускался, но вот тяжелой статуэткой или кубком в гневе запустить в стену мог. А если на пути к стене окажется препятствие в виде самого Отто... Пожалуй, продолжать не стоит.

– Ваше сиятельство, – робко позвал он. – Ваше сиятельство, к вам посетитель.

Эгон отвлекся от задумчивого изучения покрытой пылью и паутиной бутылки вина, что стояла перед ним, и спросил с досадой:

– Ну что там еще стряслось? Дракон быка утянул? Или – не дай боги! – служителя из храма?

Отто подумал немного и сдержанно хихикнул, показывая тем самым, что оценил шутку господина.

– Нет, ваше сиятельство. Драконоборец прибыл.

Граф в волнении вскочил с места.

– От герцога?

Но секретарь помотал головой.

– Он утверждает, что услышал о нашей беде в каком-то придорожном трактире. А посыльный от его светлости письмо доставил. Вот.

И он вытянул перед собой бумагу с сургучной печатью.

– Тогда сначала письмо, а потом драконоборец, – распорядился граф, вновь устало опускаясь в кресло и потирая виски.

Сломав печать, он быстро пробежал письмо глазами и нахмурился.

– Как мы и предполагали, помощи от герцога нам не дождаться. Придется действовать по плану барона, хоть мне он и не нравится.

– План или барон? – рискнул поинтересоваться секретарь.

– Ни тот, ни другой, – отрезал граф. – Ладно, зови этого путника. Надеюсь, он тот, за кого себя выдает, а не мошенник и прощелыга.

Осмотрев новоприбывшего, Эгон остался доволен. Ни хитрецы во взгляде, ни плутовства в улыбке, ни самоуверенной заносчивости замечено не было. Держался драконоборец вольно, но без дерзости. Похоже было, что ни угодливость, ни подобострастие ему не свойственны.

"Явно знатного происхождения. Из обедневшей семьи, что ли?" – подумал граф. Он даже попробовал догадаться, чьим именно отпрыском может являться рыцарь, но не преуспел.

– Мой секретарь не сообщил мне вашего имени, господин...

– Стефан, ваше сиятельство.

– А дальше?

– Просто Стефан.

Граф удивленно приподнял брови, но промолчал, хотя ему очень хотелось узнать, к какой же семье все-таки принадлежит его гость.

– Вам нужен драконоборец, – Стефан не спрашивал, а утверждал.

– Пожалуй, что не помешает, – осторожно согласился граф. – У нас, видите ли, завелся дракон. Не могу сказать, что испытываю восторг от подобного соседства. Так что да, драконоборец будет весьма кстати.

– Но я должен сразу сказать, что мне не нравятся ваши способы решить данную проблему. Если вы будете настаивать, то мы не сработаемся.

– О чем это вы? – изумился Эгон.

– О двух знатных девицах, которых вы намерены принести в жертву чудищу, – ответил Стефан.

Граф поморщился.

– Понятно, сплетен наслушались. Я все жду, когда же горожане мне петицию напишут в защиту невинных дев. Если бы я знал, кто пустил этот нелепый слух – лично бы скормил дракону.

– Значит, нет никаких девиц? – недоверчиво спросил Стефан.

– Отчего же нет? Девицы как раз имеются, племянницы барона Левренского. Между нами, вовсе не такие сказочные красавицы, каковыми их представляет молва, но хороши, этого не отнять. Вот только кормить монстра родственницами барона выйдет накладно, вы не находите? Даже быками подешевле будет.

– Так слухи лгут? – на всякий случай уточнил драконоборец.

Эгон потер переносицу.

– Не стану скрывать, что барон предложил свою племянницу в качестве приманки...

– Что? – возмущенно перебил Стефан графа. – Вы ведь сами только что настаивали на том, что девушкам ничего не угрожает. Мол, даже быков вам не жалко.

– Жалко. Я вообще не понимаю, с какой стати должен обеспечивать прокорм какого-то дракона. И уж точно не намерен скормливать ему благородных девиц. Но эта Леона сама настаивает на роли приманки. Небось начиталась сентиментальных романов и желает стать героиней, воспетой в легендах. Хотя, между нами, девица впечатления глупой не производит. Возможно, барон сумел повлиять каким-то образом на племянницу. Но я намерен обеспечить безопасность своим гостям, пусть даже вопреки их желаниям. А сейчас давайте поговорим об оплате...

Час спустя Стефан, обустроившись в отведенных ему покоях (вещей при себе у него было немного, так что времени это почти не отняло), решил прогуляться перед ужином. Задумавшись, он обогнул небольшой пруд, прошел мимо беседки, в которой устроилась какая-то парочка, и углубился в парк. Остановился лишь, услышав из-за кустов негромкие голоса и приглушенные всхлипывания.

– Мне страшно, Леона, мне так страшно! Еще не поздно отказаться, прошу тебя!

– Перестань трусить, Эрн. Вспомни лучше Родерика. Согласись, даже дракон предпочтительнее.

Второй голос звучал задорно, но Стефан все равно расслышал в нем неуверенные нотки. Интересно, уж не племянницы ли это того самого барона, о котором с такой досадой отзывался

граф Эгон? Но тогда получается, что девицы вовсе не романтические глупышки. Кто-то – и Стефан догадывался, кто именно – неплохо их запугал.

Решив проверить свою догадку, драконоборец прошел чуть дальше по делающей поворот дорожке и вскоре вышел к низенькой скамейке, на которой сидели две девушки. У одной из них, невысокой хрупкой блондинки, на миловидном личике были следы слез, а вторая, рыжая, пыталась улыбаться, но улыбка ее выглядела натянутой. Тем не менее, руку своей подруги рыжая поглаживала ободряюще.

– Прошу простить меня за то, что нарушил ваше уединение, прекрасные дамы. Мне показалось, будто вы очутились в затруднительном положении, и лишь это является слабым извинением моей назойливости. Могу ли предложить вам свою помощь? – галантно обратился к ним Стефан.

Он ожидал любого ответа, только не того, который получил.

Рыжая девица вскочила, воинственно подбоченилась и ехидно осведомилась:

– Уж не принадлежите ли вы к ордену святого Бруно, чьи последователи приносят обет помогать всем нуждающимся, а, господин?

Последователи святого были широко известны тем, что плату за свою помощь требовали немалую, напоминая при всяком удобном и не очень случае, что и сам Бруно никогда от благодарности людской не отказывался. Пораженный таким сравнением, Стефан даже не нашелся сразу с ответом, а язвительная девица продолжала:

– Так вот, мы, к вашему сведению, являемся воспитанницами барона Левренского, а у него выпросить зимой снега – задача непосильная. Как несовершеннолетние, сами мы своими средствами распоряжаться права не имеем, так что зря вы нам помощь предлагаете – все равно ничего не получите.

Блондинка испуганно дернула свою подругу за рукав.

– Леона, быть может, он действительно хочет нам помочь? Давай расскажем ему все.

Но вредная Леона только отмахнулась.

– Не глупи, Эрна. Разве ты еще не поняла, что надеяться нам следует только на себя. А вам, господин, – вновь обратилась она к Стефану, – мы безмерно благодарны за предложение, вот только помочь нам вы, увы, не можете. Так что не смеем вас более задерживать. Вы ведь, несомненно, куда-то да направлялись?

Глава четвертая

– Почему ты отказалась от помощи того милого рыцаря? – недоуменно спросила Эрна. – Он был так вежлив с нами, так галантен. И знаешь, мне кажется, что ты ему понравилась.

Леона рассмеялась.

– Наш разговор длился от силы пару минут. Когда бы ему успеть очароваться мною?

Эрна, тайком от суровой госпожи Юты почитывавшая сентиментальные романы, несмело возразила:

– Но бывает же любовь с первого взгляда. Он увидел тебя и понял, что никогда прежде ничего подобного не испытывал.

– Если бы я сказала, что он может помочь мне, убив дракона – вот тогда-то он точно испытал бы незабываемые ощущения, – твердо сказала куда более практичная Леона. – Но я сильно сомневаюсь, что подобный подвиг во славу прекрасной дамы придется ему по нраву. Это ведь не песню под окнами спеть и не ленту на рукав повязать. Что до меня, то я намерена пойти к графу. Вот только надо улучшить момент и проскользнуть мимо дядюшки. А то он вечно крутится на подступах к графскому кабинету. Бойтся, что я поведаю о его коварных замыслах его сиятельству.

И подружки дружно вздохнули. Их приняли в замке с почетом и разместили с таким комфортом, от которого обе они давно уже отвыкли. Их кормили изысканными блюдами, им позволяли гулять по парку и общаться с неженатыми рыцарями, к их услугам были личные горничные, вот только поговорить с графом без присмотра барона ни одной из них так и не удалось. Быстро сообразив, с какой стороны ему может грозить опасность, Джакоб превратился в верного графского пса, неотступно следующего за хозяином. Если же по каким-либо причинам барон не мог находиться в одном помещении с Эгоном, то располагался в коридоре неподалеку и зорко следил, чтобы его воспитанницы не появлялись поблизости.

– Ах, если бы не этот дракон, – мечтательно произнесла Эрна, – я могла бы сказать, что счастлива. Госпоже Юте нет до нас никакого дела. Она не отходит от госпожи виконтессы Вирнольской и ее подруг. Господин Джакоб позволил нам сшить себе новые платья – действительно новые платья, а не перелицованные вышедшие из моды наряды баронессы. Нам позволяют брать любые книги в библиотеке, хоть стихи, хоть романы, и не заставляют молиться по пять раз на день. А еще вчера я получила две записки.

Леона с удовольствием отметила, что хорошенькое личико ее подружки разругалось, а на губах наконец-то появилась улыбка. Эрна так боялась предстоящей охоты на дракона, что часто плакала. Ее ничто не радовало, и она каждый день уговаривала Леону отказаться от рискованного плана. Но прошло уже несколько дней с тех пор, как воспитанницы барона прибыли в графский замок, а о том, что Леоне пора исполнять роль приманки, никто и не заикался. Так что Эрна все реже задумывалась о грозящей подружке опасности и все чаще обращала внимание на привлекательных молодых людей. Ей, выросшей под бдительным присмотром баронессы, были непривычны красивые ухаживания и цветистые комплименты, а теперь всего этого у юной красавицы стало в избытке. И когда ей удавалось позабыть о драконе, она получала от пребывания в замке настоящее удовольствие.

Леоне тоже оказывали знаки внимания неженатые рыцари, но ее мысли были слишком заняты тем, как избежать близкого знакомства с драконом, так что вскоре она прослыла среди графского окружения девой холодной и неприступной. А она между тем разрабатывала и отбрасывала все новые планы. Барон недвусмысленно пригрозил увести племянниц и сразу же выдать их замуж, если Леона вздумает послушаться его приказа, вот она и уверяла всех вокруг, что прямо-таки жаждет спасти графство от дракона.

– Всего лишь две записки? – поддразнила она Эрну. – Маловато, вчера больше было. Три письма с романтическими виршами и баллада собственного сочинения от баронета. Как там его? Совсем забыла.

Эрна зарделась еще сильнее.

– На самом деле Клаус довольно мил, – смущенно произнесла она. – Он ведь не виноват в том, что стихосложение – не его стезя. А турниров в ближайшее время не предвидится, вот он и пытается обратить на себя мое внимание, как умеет.

– Надо сказать, что способ он выбрал весьма оригинальный. До прочтения его шедевра я даже не предполагала, что глаза понравившейся девушки можно сравнить с затянутыми рясной прудами.

– Баронет уважает утиную охоту, – пояснила Эрна. – Он еще написал, что я грациозна, как его любимая борзая.

Леона фыркнула.

– У него странные представления о куртуазности.

– А мне кажется, что он просто очень юн, – заступилась за своего рыцаря Эрна. – Вот и сегодня он написал мне, что никогда прежде не был влюблен. Представляешь, он даже не предполагал, сколь сильным может быть чувство.

– Одна из сегодняшних записок была от него? – догадалась Леона.

Племянница госпожи баронессы кивнула и добавила:

– Похоже, бедный юноша писал ее в спешке. Она мало того, что короткая, но в ней даже не упоминается мое имя.

– Это интересно, – задумчиво протянула Леона. – Знаешь что, Эрна, отдай-ка ты ее мне.

– Но зачем?

– А вот увидишь. Пришла мне в голову одна интересная мысль...

Джакоб был очень доволен собой. Все шло по его плану: Леона скрипела зубами, но не смела в его присутствии и слова сказать о собственном нежелании стать драконьим обедом. Если и дальше, дай боги, все пройдет так же гладко, то скоро он избавится разом и от строптивой девицы, и от необходимости давать отчет о состоянии ее изрядно уменьшившегося приданого. Барон довольно потер руки: его сиятельство недавно уединился в спальне с нынешней фавориткой, следовательно, и сам Джакоб мог оставить караул у графских покоев. Даже если взбалмошной племяннице взбредет в голову вломиться в спальню Эгона, в чем барон все-таки сильно сомневался, выслушивать ее уж точно никто не будет.

Чувствуя некую усталость – а вы покараульте весь день чрезвычайно занятого графа, к вечеру точно ощутите неприятное гудение в ногах – Джакоб ввалился в отведенные ему и Юте покои. Он намеревался выпить пару кубков чудесного вина, которое граф столь любезно предоставил в распоряжение гостей, и полистать какую-нибудь забавную книжку из тех, над которыми обожала пускать слезу госпожа баронесса. Самой Юты в спальне еще не было. Она обычно задерживалась у виконтессы, играя с дамами в лото и перемывая косточки всем, кто имел несчастье быть моложе и привлекательнее собравшихся.

Налив в кубок из кувшина благородный напиток темно-рубинового цвета, Джакоб сделал большой глоток и от удовольствия даже громко причмокнул. Господин граф определенно не скупился и не экономил на гостях!

На низеньком столике лежало три томиков в кожаных переплетах, и барон принялся их рассматривать, выбирая себе чтиво на вечер. "Пути нежной страсти", "Жизнь и приключения несравненной Клариссы" и "Полночное лобзание". Прочитав последнее название, Джакоб скривил презрительно губы и потянул уже к себе историю неведомой Клариссы, как вдруг со столика слетел сложенный вдвое лист бумаги и медленно опустился на ковер. Барон поднял письмо без особого интереса, но исходящий от бумаги аромат заставил его подозрительно при-

щуриться. Ни у него самого, ни у баронессы подобной туалетной воды не водилось. Правду сказать, Джакоб полагал пустым капризом тратить деньги на такую ерунду, как духи и благовония, но ради посещения графского замка пришлось раскошелиться и прикупить флакончик с незамысловатым ароматом, один на двоих с супругой. Вот только пахло письмо совсем иначе, непривычно. Любой модник опознал бы недавно появившиеся духи "Роза востока", но Джакоб модником не был. Однако же письмо его заинтриговало. Ясно было, что это вовсе не ерундовые записки его пустоголовой супруги.

– Любопытно, любопытно, – проворчал он себе под нос, разворачивая письмо. – Поглядим, что у нас здесь.

По мере прочтения записки глаза барона все расширялись, а по лицу расплзались неприглядные багровые пятна. Наконец он закончил чтение и в гневе смял несчастную бумагу в руке. Нет, он, разумеется, прекрасно знал, что Юта не является светочем разума. Более того, некоторая ограниченность супруги целиком и полностью устраивала Джакоба. Еще до того, как он просил руки Юты у ее покойного ныне отца, барон прекрасно отдавал себе отчет, что его избранница достаточно недаленовидна, чтобы даже интересоваться судьбой собственного приданого. Да и вообще задавать мужу какие-либо вопросы было не в характере Юты. Ее с детства приучили к мысли, что мужские решения женщине оспаривать не подобает. Потому-то госпожа баронесса так и невзлюбила строптивую Леону, посмевшую своим поведением попирать многолетние убеждения самой Юты. Но теперь!

– Даже она не может быть настолько глупа, – разъяренно прошипел барон, – чтобы поверить во всю эту чушь!

Он вызвал перед мысленным взором облик супруги и попробовал сравнить его с лестными эпитетами из письма. Вскоре Джакоб с сожалением вынужден был признать, что хоть незнакомый автор послания и весьма преувеличивал довольно скромные достоинства Юты, глупая женщина все равно могла поверить в столь грубую лесть. По одной простой причине: из-за желания поверить.

"Ваши глаза, о прекрасная, разят в самое сердце, подобно стрелам, а улыбка возносит на небеса", – писал неведомый воздыхатель. Глаза Юты, водянисто-голубые, казались совсем небольшими из-за объемных щек и нависших бесцветных бровей. По глубокому убеждению Джакоба, сравнение со стрелами вызывало только смех, но сама Юта, видимо, думала иначе. Но барона в данный момент сильнее всего занимал один лишь вопрос: чего именно добивается неизвестный юнец, посылая почтенной замужней даме столь дерзкие письма? В юном возрасте отправителя послания Джакоб не сомневался, как не питал сомнений и относительно финансовой состоятельности (вернее, несостоятельности) наглеца. Вероятно, нахал просто вызывает у стареющих малопривлекательных дам чувство сердечной привязанности, а потом пользуется им сполна, получая дорогостоящие сувениры и даже кругленькие суммы. В то, что кто-либо из рыцарей мог всерьез возжелать госпожу Юту, барон, как человек благоразумный, поверить никак не мог. Осушив одним махом второй кубок вина и даже не ощутив на сей раз изысканного вкуса, Джакоб выругался сквозь зубы. Мало ему дерзкой Леоны, еще и за собственной женой присматривать придется! А то обернуться не успеешь, как в загребушие ручонки предприимчивого юноши переключаются семейные ценности. Нет, не почтение и смирение, о которых любила толковать Юта воспитанницам, а нечто гораздо более осязаемое. Перстень с рубинами или жемчужные подвески, например.

Тем временем упомянутые воспитанницы, уже облаченные в ночные рубахи, то и дело заходились смехом. Комнату племянницам барона выделили одну на двоих, так что никто не мог помешать ночным беседам, которые, как всякому известно, по неведомым причинам куда душевнее дневных. Однако же этой ночью подруги не делились невинными девичьими секретами, а хохотали над проделкой Леоны. Стоило им успокоиться и даже принять серьезный

вид, как одна из них не удерживалась и заново прыскала со смеху, а мгновение спустя к ней присоединялась вторая.

– Как ты думаешь, Леона, кто из них обнаружит письмо?

– Надеюсь, что дядюшка. Впрочем, если тетушка и найдет его первой, то все равно не сможет утаить такой секрет.

– Думаешь, она расскажет господину барону?

Леона перевернулась на живот и поболтала в воздухе ногами.

– Нет, не барону, – довольно заявила она. – Насколько я успела изучить госпожу Юту, она не преминет похвастать запиской от таинственного воздыхателя перед новыми знакомыми. Разве ты не заметила, Эрна, какой кислый вид у нашей тетушки? Это из-за того, что она ничем не превосходит подружек госпожи виконтессы: ни знатностью, ни богатством, ни древностью рода, ни красотой. Некоторые дамы и вовсе относятся к госпоже Юте свысока. А здесь такой повод показать себя! Пылкий возлюбленный, пишущий предмету своей страсти нежные письма – у кого еще из дам есть такой?

Эрна всхлипнула от смеха.

– А потом слухи дойдут и до дядюшки, да?

– Если только он сам прежде не догадается по тетушкиному виду, что происходит нечто странное.

– Послушай, – Эрна понизила голос, – мне ведь Клаус каждый день послания пишет. Завтра мы тоже подсунем записку в комнату барона?

Леона namного подумала и покачала головой.

– Нет, слишком часто не стоит. Лучше выждем день-другой.

Глава пятая

На следующее утро граф Эгон с уже ставшей привычной досадой обнаружил маявше-го под дверью его кабинета барона Левренского. "Вот неймется же ему", – с тоской подумал граф. Сам он с огромным удовольствием отправился бы обратно в постель, досыпать. Ночью выспаться не получилось, поскольку новая фаворитка, молоденькая аппетитная вдовушка Мона, оказалась дамой весьма пылкой и даже в некотором роде ненасытной. Так что граф пребывал в состоянии приятной усталости, к которой примешивалась небольшая доля раздражения из-за поднявших его с постели ранним утром неотложных дел. Очередной посланник его светлости прибыл едва ли не с рассветом и теперь ожидал ответного письма. "Ничего, вот отпишусь и вернусь досыпать, благо, Мону я уже спровадил", – благостно думал граф, еще не подозревая, что именно ожидает его этим солнечным днем. Впрочем, вид барона, с кислой физиономией отиравшегося у двери, мог испортить настроение кому угодно.

Как обычно, сухо кивнув гостю, Эгон проследовал в свой кабинет. К его огромному удивлению, барон не остался у стены молчаливой тенью, а придержал дверь, не давая ей захлопнуться за графом.

– Ваше сиятельство, – завел он подобострастно, – ваше сиятельство, могу ли я с вами переговорить? Это не отнимет у вас много времени, обещаю.

Граф раздраженно подумал, что заманчивый отдых в теплой постели отменяется. "Сначала письмо от его светлости, потом разговор с бароном, а там и прочие гости проснутся", – тоскливо подумал он. Ранний подъем среди знатных обитателей замка принят не был, но к полудню обыкновенно просыпались даже самые большие любители поваляться подольше в кровати. Этим завтрак подавали прямо в покои, но прочие спускались к десяти в трапезный зал. Граф Эгон не без оснований полагал себя хозяином весьма гостеприимным и почитал своим долгом присутствовать на совместных трапезах, будь то завтрак, обед или ужин.

– Я приглашу вас чуть позже, – несколько нелюбезно бросил хозяин замка барону. – Сейчас у меня неотложное дело. Подождите.

Барон угодливо поклонился и остался за дверью.

Эгон, устроившись за столом, развернул послание от герцога и принялся читать. Письмо было коротким, так что много времени это занятие не отняло. Дочитав до конца, Эгон моргнул, потер лоб и приступил к перечитыванию. "Вот только этого мне не хватало, – подумал он тоскливо. – И что же теперь делать?" Как назло, ни одной дельной мысли в голову не приходило. Отложив решение вопроса на потом, граф написал краткую записку, свидетельствующую, что герцогское послание он получил и задачу свою понял, а потом вызвал Отто.

– Можете отправлять посыльного обратно, – морщась, будто от излишне кислого вина, сказал Эгон секретарю. – Пригласи ко мне барона, а потом зайдешь сам, нам надо обсудить важное дело.

Отто посмотрел на его сиятельство с тревогой. Не нужно было обладать недюжинным умом, чтобы сообразить – графа расстроило содержимое письма. "Пожалуй, даже не так: не расстроило, а озадачило", – отметил Отто. Эгон признавал наличие у секретаря смывленности и сообразительности и порой советовался с ним, но никогда прежде Отто не видел на лице графа такой растерянности. Даже когда прилетел дракон, будь он неладен. Похоже, в герцогстве возникли серьезные проблемы.

– Итак, барон, что за дело у вас ко мне?

Эгон положил подбородок на сплетенные пальцы и посмотрел на Джакоба без особого интереса. Вопреки столь почитаемым им законам гостеприимства, граф не предложил посетителю ни вина, ни фруктов, вазу с которыми, кстати, принес предусмотрительный Отто. Все

мысли Эгона были заняты письмом от его светлости, а барона очень хотелось поскорее спровести из кабинета, чтобы не отвлекал от размышлений.

– Так важное ведь дело! – всплеснул руками Джакоб. – Надо ведь засаду готовить, чтобы чудовище поймать. Моя милая племянница переживает.

И барон промокнул глаза отделанным узкой кружевной каймой платком.

– Переживает, говорите? Так передайте ей, что она может успокоиться. В ее помощи более нет нужды.

– Вы неверно меня поняли, ваше сиятельство, – волнуясь, зачастил барон. – Леона очень-очень желает поспособствовать избавлению графства от дракона. Она волнуется вовсе не из-за боязни, о нет! Девочка, напротив, желает как можно скорее сослужить вам службу. Ее беспокоит, что вы могли позабыть о ней.

Суетливые движения, которыми барон то разворачивал платок, то сворачивал его, то прикладывал почему-то уже не к глазам, а ко лбу, вселяли в графа подозрения. Пожалуй, дядюшка желает выслужиться куда сильнее, нежели племянница. Но почему? Тоже мнит себя спасителем графства?

– Это вы неверно меня поняли, барон. Я вовсе не позабыл о той неоценимой услуге, что собирается нам всем, – последние два слова он выделил голосом, – оказать прекрасная Леона. Но ее помощь не потребуется, поскольку вчера в замок прибыл драконоборец.

– Но как? – разволновался барон. – Откуда? Герцог ведь отказал нам, так кто же прислал этого проходимца?

На покрасневшем лбу Джакоба выступили мелкие капельки пота.

– Позвольте, барон, на каком основании вы оскорбляете моего гостя? – возмутился Эгон.

– Прошу прощения, ваше сиятельство, я забылся. Но развеите же мои необоснованные подозрения. У достойного рыцаря, несомненно, имелись при себе верительные грамоты, ведь так? Вы хорошо их изучили? Он точно тот, за кого себя выдает? Я приношу заранее извинения, если мои слова задели честь неизвестного мне драконоборца, но в наше нелегкое время просто необходимо проявлять осмотрительность. Вы согласны со мной?

– Не беспокойтесь, барон, мой гость – не мошенник, желающий выманить куш побольше и удрать. В этом я уверен.

– Но...

– Вам недостаточно моего слова?

– Что вы, ваше сиятельство! Я ни в коей мере не пытался усомниться в ваших словах. Просто вот что пришло мне в голову: первоначальная идея была ведь неплоха, не так ли? Можно просто немного изменить план. Ведь к чему драконоборцу разъезжать по всему графству в поисках чудовища? Устроим ловушку, как и было задумано, а в нужный момент появится отважный рыцарь.

– Скажите, барон, – задумчиво произнес граф, – нет ли у вас какого-либо личного интереса в том, чтобы ваша племянница исполнила роль приманки? Уж больно навязчиво вы мне предлагаете свой план.

Казалось, Джакоб даже задохнулся от обиды.

– Что вы, ваше сиятельство! Да я радею исключительно о благе графства! Только ради него...

– Довольно, барон, – не совсем вежливо прервал его Эгон. – Я обещаю обдумать вашу идею с привлечением драконоборца к первоначальному плану. Благо, время пока терпит – вчера донесений о драконе не поступало. Если боги к нам окажутся милостивы, так чудовище и вовсе покинет графство. А теперь ступайте. Мне необходимо обсудить с Отто неотложный вопрос.

Джакоб покинул кабинет в отвратительном настроении. Граф ясно дал понять, что вовсе не торопится скормить Леону дракону. А невеста откуда взявшийся драконоборец и вовсе спутал все планы. А ведь какая удачная была придумка! Барон успел уже посулить одному из лучников весьма внушительную сумму лишь за то, чтобы тот якобы случайно промахнулся и вместо дракона попал в девицу. Полагаться же на случай Джакоб никогда не любил. Мало ли, вдруг чудовище действительно успеет прикончить до того, как оно убьет Леону. А теперь весь тщательно разработанный план с треском рушился прямо на глазах. И гадкий дракон, как назло, где-то затаился.

Брюзжа про себя, Джакоб свернул за угол и наткнулся на племянниц. Девушки, только что весело смеявшиеся, разом притихли и испуганно уставились на дядю. Эрна даже как будто стала ниже ростом.

– Доброе утро, дядюшка, – первой произнесла более смелая Леона.

Эрна быстро повторила следом за ней:

– Доброе утро!

– Ты-то мне и нужна, – прорычал барон Леоне, напрочь проигнорировав вторую воспитанницу. – Поди-ка сюда!

Эрна побледнела и испуганно охнула, прикрыв рот ладонью.

– Мы не хотели ничего дурного, – начала она, но Джакоб только отмахнулся.

– Леона! Немедленно сюда! А ты, Эрна, ступай, куда шла. У меня нет времени выслушивать глупости.

Его абсолютно не интересовали оправдания глупышки. Небось решила покаяться в том, что поклонники подбрасывали ей под дверь букеты. Джакоб прекрасно знал об этом: Юту о появившихся у племянницы воздыхателях просветили новые приятельницы, а баронесса пересказала все сплетни мужу. Супружеская чета даже принялась строить планы, решая, за кого бы им повыгоднее выдать воспитанницу. Точнее, решал Джакоб, а Юта привычно поддакивала. Основных требований у барона к жениху было два. Во-первых, он должен закрыть глаза на то, что невеста достанется ему почти бесприданницей. Во-вторых, неплохо было бы посредством замужества Эрны обзавестись новыми влиятельными родственниками. А уж сам барон сумел бы растолковать девице, кому она обязана новой счастливой жизнью. Раз уж Джакоб столько лет кормил-поил да одевал-обувал дальнюю родственницу, заботился о ней, точно о родной дочери, то он вправе рассчитывать на благодарность. К счастью, Эрна – не Леона, вот та влиянию поддается плохо. Вот и сейчас шагнула и спросила, дерзко глядя прямо в глаза:

– Зачем я вам понадобилась, дядюшка?

– Ты позабыла, зачем я привез вас сюда? – прошипел Джакоб.

– Нет, дядюшка. Я сделала все, как вы велели. Ни один член совета не усомнился в моем желании стать приманкой для дракона. Все верят, что я совершаю столь ужасающую глупость добровольно.

– Однако же граф что-то подозревает! Он ясно дал мне это понять.

– Я ни разу не виделась с его сиятельством без вашего присмотра, дядюшка. Вам, как никому другому, прекрасно известно об этом. Когда бы я успела что-либо лишнее сказать господину графу?

– И ты не писала ему записок? – подозрительно осведомился Джакоб.

Леона только покачала головой. Она действительно опасалась написать графу, поскольку не была уверена в том, что секретарь не подкуплен бароном и не доложит тому о попытке племянницы обойти запрет на общение с Эгоном. Так сильно рисковать Леона права не имела.

– Смотри мне, – пригрозил барон. – Чем чревато непослушание, ты прекрасно знаешь. Родерик все еще надеется, что я одумаюсь и отдам Эрну за него.

И с удовлетворенной ухмылкой полюбовался, как бледнеет лицо Леоны. Да, это он все-таки хорошо придумал: напугать девиц предстоящим бракосочетанием. И если известие о

выбранном для нее женихе Леона выслушала, даже не моргнув глазом (сбежать собиралась, как пить дать), то новость о грядущей свадьбе Эрны и Родерика мигом сломила упрямицу. К своей единственной подруге кровная племянница Джакоба была очень привязана.

– Я сделаю все так, как вы скажете, дядюшка, – в который раз пообещала она.

– И если ты надеешься, что твоя подружка успеет заключить помолвку до предстоящей охоты, то вынужден тебя разочаровать: я пока что не собираюсь рассматривать ни одно предложение. Сначала ты сдержишь свое слово, и только после этого я соглашусь на свадьбу Эрны с рыцарем по ее выбору. Тебе все понятно?

Леона упрямо сжала губы, но кивнула. Глаза ее зло блеснули. "Вот так-то, – довольно подумал барон. – Мала еще со мной тягаться. Куда тебе!"

После разговора с бароном Леона испытывала одновременно и досаду, и робкую надежду. С одной стороны, Джакоб прямо сказал, что не допустит помолвки Эрны (а Леона не слишком обольщалась обещаниями барона устроить замужество племянниц после охоты), а с другой – слова о подозрениях графа давали основания полагать, что шанс вырваться из хитроумно приготовленной дядюшкой ловушки у девушек все же есть. Обдумывая услышанное, Леона отправилась на розыски подруги. Эрна не должна была уйти далеко. Вероятно, она спустилась на один лестничный полет, и теперь поджидает Леону на площадке. Однако же у высокого стрельчатого окна знакомой хрупкой фигурки не было. Недоуменно пожав плечами, Леона продолжила спуск, рассудив, что подруга может поджидать ее и в саду. Длинное платье не давало как следует смотреть под ноги, а за перила держаться Леона отчего-то не любила, за что и поплатилась. Несколько минутами ранее по этой же лестнице поднимался слуга, несший по распоряжению Отто фрукты в кабинет графа. Некрупный спелый абрикос упал с подноса на ступени, но спешивший паренек не заметил потери. Розовато-желтый плод так и остался валяться на лестнице. Возможно, его и можно было бы разглядеть, но лучи утреннего солнца плохо освещали западное крыло, а Леона слишком погрузилась в свои мысли. Она только почувствовала, как нога ее соскользнула со ступеньки. Нелепо взмахнув руками, она попыталась удержать равновесие, но не сумела и полетела бы вниз, если бы ее внезапно не подхватил вчерашний незнакомец.

– Ну что же вы так неосторожно, – добродушно произнес он, продолжая удерживать Леону в объятиях. – Могли ведь серьезно расшибиться.

– Опять вы, – с досадой выдохнула девушка, высвобождаясь.

– Я, – нимало не смущаясь, подтвердил очевидное Стефан. – Как оказалось, моя помощь вам все-таки потребовалась.

– Благодарю, – сквозь зубы процедила Леона.

Она и сама затруднилась бы с ответом, спроси ее кто о причине такой неблагосклонности к молодому рыцарю. Он ведь был любезен и галантен, к тому же не сделал ей ничего дурного, напротив, спас от падения. Но вот вызывал он в Леоне лишь глухое раздражение. "Это все из-за того, что он так понравился Эрне, – внезапно осознала она. – Глупышка была готова выложить ему все наши проблемы и ожидать чудесного спасения. И как только не понимает, что благородные и бескорыстные кавалеры бывают только в романтических историях!"

– Ну нет, – невольно подтверждая невеселые мысли собеседницы, заявил Стефан, – разве такая должна быть благодарность? На подобное я не согласен.

И уперся вытянутой рукой в стену, преграждая Леоне путь и давая понять, что отпускать ее не намерен.

Леона тут же испуганно сжалась, припомнив все прочитанные украдкой романы. Разумеется, спаситель невинной девы просто обязан потребовать у спасенной поцелуй! Непременно! Именно так поступали все герои сентиментальных историй. Леоне было и страшно, и интересно одновременно. Незнакомец был хорош собой, этого она не могла отрицать. И мысль о его

поцелуе казалась ей даже притягательной, хотя даже самой себе Леона постыдилась бы в этом признаться. Но сердце заколотилось в груди, будто от быстрого бега, щеки заалели, а дыхание сделалось прерывистым. "Только бы он не оказался болтуном и не похвастал поцелуем перед всеми!" – взмолилась несчастная, а вслух тихо пискнула (хотя пыталась говорить уверенно и строго):

– И чего же вы от меня хотите?

– Улыбку, – уверенно ответил неправильный спаситель попавшей в беду девы. – Улыбку и ваше имя. Немного, правда?

– И все?

– Мне послышалось разочарование в вашем голосе, прекрасная незнакомка. Вы хотели предложить мне иную награду?

– Да, – процедила сквозь зубы мгновенно вспыхнувшая до корней волос Леона. – Я хотела предложить вам катиться ко всем демонам, но решила, что это будет несколько невежливо.

Стефан откровенно забавлялся. Он уже догадывался, с кем именно свел его случай. Вернее, заподозрил уже после вчерашней встречи, а после беседы со словоохотливым слугой о племянниках одного небезызвестного барона окончательно уверился в своих догадках. Рыжую девицу звали Леоной, и именно она предназначалась в жертву дракону. Сперва, правда, рыцарь подумал, что в качестве приманки собираются использовать блондинку – уж больно напугана та была. Рыжая Леона, напротив, держалась бойко и нимало не походила на беззащитную жертву. Сейчас же она так смешно храбрилась, что Стефан не отказал себе в удовольствии поддразнить ее.

– О, так прекрасная дама знает столь неподобающие выражения?

– Прекрасная дама и не такое еще знает, – огрызнулась Леона.

– А меня не обучите? А то я порой теряюсь, сталкиваясь с невежами. Хотелось бы уметь отвечать им.

– Да вы издеваетесь!

– Ну что вы... Кстати, вы так и не представились.

– Вы, между прочим, тоже, – язвительно произнесла рыжая бестия.

– Неужели? На редкость досадное упущение. Меня зовут Стефан.

– А дальше?

– Просто Стефан.

– Вы скрываете свою фамилию, просто Стефан? Почему же? Она слишком известна или не слишком благозвучна?

– Вы задали мне слишком много вопросов, а сами не ответили ни на один. Вам не кажется, что это несколько нечестно?

Леона смерила его взглядом. Сейчас Стефан стоял двумя ступеньками ниже ее, и они, таким образом, оказались почти одного роста. Ей пришла в голову странная мысль о том, как приятно смотреть на мужчину не снизу вверх, а глаза в глаза. Во взгляде Стефана таилась насмешка, но вовсе не обидная, а просто лукавая.

– Вы правы, – неожиданно смущенно произнесла девушка. – Меня зовут Леона.

– Ну вот, ваше имя я уже знаю. Осталось еще одно условие: улыбка.

Выполнять второе условие нахала Леона не собиралась. Вот совсем-совсем не собиралась. Но уголки ее губ сами собой приподнялись. А когда Стефан улыбнулся в ответ и она разглядела ямочку на его левой щеке, окончательно смутившаяся Леона поняла, что пора бежать, пока она не совершила какую-нибудь глупость, за которую ей потом будет очень-очень стыдно. Стефан уже успел убрать руку со стены, и его новая знакомая бочком протиснулась мимо него по ступенькам.

– Всего хорошего, – бросила она не ожидавшему такого поворота событий рыцарю, подхватила юбки и припустилась вниз.

Конечно же, Стефан мог бы догнать ее без особого труда. Но он остался стоять на месте, глядя беглянке вслед. Улыбка не сходила с его губ, а взгляд приобрел мечтательное выражение.

Пока Леона сначала беседовала с дядюшкой, а потом препиралась с драконоборцем, в графском кабинете шло обсуждение важного вопроса. Более того – секретного важного вопроса. А если уж совсем точно, то сверхсекретного вопроса повышенной важности.

Граф лично выглянул за дверь, чтобы проверить, нет ли в коридоре желающих подслушать, чем несколько смутил Отто. Секретарь прекрасно знал, что расслышать что-либо через тяжелую дубовую дверь – задача невыполнимая. Убедившись, что праздношатающихся поблизости нет, и даже назойливый барон куда-то скрылся, Эгон велел секретарю присесть и протянул письмо от его светлости.

– Вот, полюбуйся, – мрачно сказал граф. – Только читай не вслух.

Требование удивило Отто, но спорить он не стал. И без того под острым взглядом хозяина замка секретарю вдруг показалось на редкость жестким и неудобным уютное прежде кресло, а воздух в кабинете стал ощутимо прохладнее. Или это Отто просто пробрал озноб от предчувствия очередных крупных неприятностей? Будто мало их графству дракона, будь он неладен! Выплаты пострадавшим крестьянам пока еще не нанесли казне ощутимого урона, но...

– Прочел?

– Еще нет, ваше сиятельство, – быстро ответил разом вернувшийся в действительность Отто и пробежал письмо тут же расширившимися от удивления глазами.

– Возможно ли это, ваше сиятельство?

– Не знаю, о чем ты, – хмуро ответил граф, – и знать не хочу. Понятно?

Секретарь открыл было рот, чтобы что-то сказать, но передумал. А потом все-таки решился на фразу:

– Очень уж своевременно появился у нас этот драконоборец, вы не находите?

– Это может оказаться простым совпадением, – возразил Эгон.

– Давайте я попробую расспросить его поаккуратнее? – предложил Отто.

– И тут же выдашь себя, – хмыкнул граф. – Нет уж, с расспросами к нему не подходи, мало ли. Скорее всего, он просто странствующий рыцарь из обедневшей семьи, но я не исключаю вероятности, что этот Стефан сказал нам далеко не всю правду. Так что следи за ним в оба, но как можно осторожнее. Он не должен знать, что у нас появились подозрения.

– Хорошо, ваше сиятельство.

– А теперь займемся очередным вопросом, правда, весьма тесно связанным с предыдущим. Я о драконе и о бароне, – пояснил граф и поморщился. – Даже не знаю, кто из этих двоих надоел мне больше.

Глава шестая

Тем временем барон Левренский крутился неподалеку от пестрой стайки дам – наперсниц виконтессы. Среди разноцветных шелков и атласов изысканных нарядов мелькал скучный и несоответствующий сезону темно-зеленый бархат платья его супруги. Ох, как Юта поджимала губы утром, когда обнаружилось, что она уже по два раза успела надеть те три платья, что сшила специально для визита к графу. Следовало нарядиться во что-то новое, да только где ж его взять? Вот и пришлось баронессе украсить одно из старых платьев драгоценностями покойной тещи господина барона, да будут к ней милостивы все боги загробного мира. Хорошая была женщина, и дочь свою воспитала достойно. Хоть как и досадовала Юта на скудный гардероб, мужу она ни слова упрека не сказала. Лишь лицо баронессы приобрело столь кислое выражение, будто ей подали в кубке яблочный уксус вместо отменного вина из графских погребов.

"Уж не для своего ли воздыхателя вырядиться желает?" – подумал прежде не обращавший особого внимания на внешний вид супруги барон. Он привык к Юте, как мог бы привык-

нуть к некрасивой экономке, удобному креслу с изрядно потертой обивкой или к трещине на стене. Да, взор не услаждает, так и что с того? Желания, вполне естественные для здорового мужчины, Джакоб по молодости лет, когда его еще волновала данная сторона жизни, удовлетворял с деревенскими девками и с некоторыми небогатыми горничными. Знала ли о том Юта – барона не волновало. Она-то выполнить свой долг и зачать наследника так и не сумела, о чем Джакоб не забывал напоминать ей время от времени. Просто так, чтобы еще больше ценила ниспосланного ей богами супруга.

Но теперь баронесса отбивалась от рук. Она не поставила на место того юного нахала, что писал ей пошлые слащавые письма. Более того, забылась настолько, что не уничтожила компрометирующую ее записку. Джакоб нахмурился. Быть может, это новые приятельницы дурно повлияли на Юту? Когда жена робко спросила у него позволения примкнуть к окружению виконтессы, барон с радостью разрешил ей столь выгодную дружбу. Неужели он ошибся?

Джакоб с подозрением косился на всех мужчин, что появлялись в поле его зрения. Кто же из них шлет Юте отвратительные послания? Кандидатуру самого виконта барон отверг сразу же. Высокий худой рыжебородый виконт Вирнольский в средствах не нуждался. Пожалуй, прельстись он в действительности сомнительными прелестями Юты, Джакоб не стал бы возражать. Виконт – человек влиятельный, от такого покровителя глупо было бы отказываться. Но увы, Вирнольский не уделял ни малейшего внимания дамам старше двадцати лет. К молоденьким красоткам он относился иначе и не упускал случая по-отечески пожать какой-нибудь из них нежную ладошку или потрепать по хрупкому плечу. Глупые племянницы Джакоба виконта недолюбливали и предпочитали держаться от него подальше. Более того, Эрна старательно избегала даже Берхарда, второго сына виконта. Юноша пытался оказывать ей знаки внимания, но Эрна только отмалчивалась и сторонилась молодого рыцаря. Пожалуй, не помешало бы провести с ней разъяснительную беседу. Позволение самой выбрать себе жениха вовсе не означало, что выбор не должен быть согласован с опекуном. Похоже, глупышка этого не понимала.

К дамам приблизился хрупкий белокурый юноша и с поклоном передал что-то виконтессе. Джакоб насторожился. Он совсем упустил из виду мальчишку. Паж – как же его имя? – был слишком юн, чтобы барон ранее рассматривал его всерьез. Но теперь, глядя на отливающие золотом локоны, на чистую белую кожу, на изящные кисти рук, Джакоб осознал свою ошибку. Паж – Агидиус, вот как его звали – уже не был ребенком, а дамы в определенном возрасте питают склонность к таким юнцам. Еще свеж был в памяти светского общества скандал, случившийся пару лет назад. Тогда все смаковали подробности излишней благосклонности одной престарелой графини к пажу ее собственного сына. Отголоски скандала долетели и до Джакоба, и теперь он, похолодев, вызывал в памяти подробности того происшествия. Кажется, графиня щедро одаривала мальчишку драгоценностями, и ее сынок опознал фамильный перстень на руке пажа. Или то был не перстень, а бриллиантовый аграф? В свое время барона посмеялся над историей и выкинул ее из головы. Ему и на ум не могло прийти, что он окажется в гораздо худшей ситуации, нежели бедолага-граф. Одно дело, когда престарелая матушка в силу почтенного возраста лишается разума, а иное – когда рога наставляет супруга. Графу больше сочувствовали, а над ним, Джакобом, станут потешаться. Да и Юта еще не достигла тех лет, когда поступки ее можно списать на старческие причуды. Графине-то было уже под восемьдесят, так что помрачнение рассудка никого не удивило.

К Агидиусу следовало присмотреться повнимательнее. Барон чуть отошел в сторону и сделал вид, будто заинтересовался гобеленом с изображением прекрасной девы и единорога, а сам украдкой косился на пажа, готовый последовать за ним.

– Посмотри-ка, – удивленно воскликнула Эрна, – чем это занят наш дядюшка?

Леона выглянула в окно. Зрелище ей открылось презабавное: низко пригибаясь, барон Левренский крался среди кустов.

– Похоже, письмо от Клауса возымело действие. Вот только дядя явно выбрал не тот объект.

Эрна согласно кивнула. Упомянутый Клаус расположился неподалеку от подруг и делал вид, что полностью погружен в чтение книги, а сам тем временем бросал на девушек быстрые взгляды. Кончики оттопыренных ушей молодого рыцаря подозрительно алели.

– Может, попробуем поговорить с графом, пока дядя занят? – предложила Эрна.

– Не получится, – кисло ответила Леона. – Граф сегодня принимает подданных и выслушивает их жалобы. Ну и решает спорные вопросы, с которыми не смогли разобраться старосты, градоначальники и святые отцы. Так что его сиятельству точно не до нас. К тому же господин барон уже успел побеседовать со мной и строго-настрого запретить даже приближаться к графу. Грозил скорейшим бракосочетанием для нас обеих, если я вздумаю его послушаться.

– Но ты ведь что-нибудь придумаешь, правда?

Леона только грустно улыбнулась. Детская вера Эрны в подругу воодушевляла, но иногда вызывала досаду. Самой Леоне никогда не приходилось ожидать, что кто-нибудь займется ее проблемами. Она привыкла полагаться только на себя. Даже когда еще были живы родители, они предоставляли дочери относительную свободу, позволяя такое, что с тетушки Юты хватило бы лишиться чувств, узнай она о подобных вольностях. Да и, правду сказать, мало кто одобрил бы такое воспитание благородной девицы, при которых она девица была вправе бегать к пруду купаться вместе с крестьянскими девками, лазать по деревьям и играть в разбойников с сыновьями прислуги. Леона крепче стиснула зубы. Она давно уже запретила себе вспоминать родителей и то благословенное время, что она провела под отчим кровом.

– Ой, а это тот самый рыцарь, что предлагал нам помощь, помнишь? – выдернул ее из воспоминаний голос Эрны.

Действительно, Стефан остановился рядом с Клаусом и завел с тем разговор. На девушек он даже не взглянул.

Леона вспыхнула. Она вспомнила свое глупое поведение на лестнице, вспомнила, как готова была позволить Стефану поцеловать ее. И даже то, что рыцарю удалось потом развеселить ее, ничего не меняло. Несомненно, он догадался, о чем она подумала, и просто потешался над ней. Находиться в одной комнате с нахалом не было ни малейшего желания.

– Пойдем отсюда, – громко сказала она.

Эрна удивленно посмотрела на нее.

– Но мы ведь совсем недавно пришли. Я хотела вышить вот этот мак, а здесь подходящее освещение, – возразила она.

– Ничего, вышьешь в другой раз. А сейчас пойдем в сад, погуляем.

Эрна, поняв, что с подругой происходит что-то неладное, покорно сложила свое вышивание в корзинку и встала. Но не успели подружки подойти к двери, как их окликнул Клаус:

– Простите, что отвлекаю вас, дамы. Могу ли я попросить прекрасную Эрну уделить мне пару минут?

Эрна неуверенно взглянула на Леону, дождалась кивка и подошла к Клаусу, а Стефан, напротив, отступил к двери.

– Удирате? – насмешливо спросил он.

– А вы опять стоите у меня на пути.

– О нет, – сказал Стефан, явно забавляясь, – стоять у вас на пути опасно. Я наслышан о вашем желании составить мне конкуренцию.

– О чем это вы? – растерялась Леона.

– Говорят, будто вы жаждете расправиться с драконом и тем самым лишить меня заработка. Никогда бы не подумал, что столь нежная дева может быть такой кровожадной.

Серые глаза смеялись, уголки губ приподнимались в улыбке, несмотря на кажущуюся серьезность тона. Леона поначалу разозлилась, но потом до нее дошел смысл сказанного наглецом.

– Ваш заработок? Стало быть, вы – драконоборец?

Стефан отвесил ей преувеличенно почтительный поклон.

– К вашим услугам, прекрасная дама. Хотя... Судя по гуляющим по замку сплетням, вы как раз в моих услугах и не нуждаетесь.

Леона даже не сразу нашлась с ответом на эту дерзость. Удивительное известие о том, что в замке объявился драконоборец, обрадовало ее столь сильно, что несколько мгновений она ни о чем другом просто думать не могла. Боги услышали ее молитвы и послали ей спасение! Но вскоре в голову ей пришла мысль совсем невеселая, и девушка подозрительно нахмурилась.

– А его сиятельство знает о том, кто вы?

– Разумеется, – Стефан растерялся, явно не понимая, к чему она клонит.

Леона между тем лихорадочно соображала, как ей лучше поступить. Итак, граф в курсе, что прибывший вчера рыцарь – драконоборец. Но вот известна ли эта новость барону? С одной стороны, слухи еще не гуляли по замку, а с другой – Джакобу часто было известно то, о чем и не подозревали даже самые отъявленные сплетницы. Не зря все-таки барон постоянно отирался поблизости от хозяина замка, обрывки кое-каких сведений получить таким образом не составляло труда. Но почему же тогда дядюшка утром напомнил племяннице о ее обещании? Не знал правды о Стефане? Или решил разыграть свою партию по одному ему ведомым правилам?

– Давайте заключим сделку, – предложил тем временем несносный тип. – Я отдам вам часть своего вознаграждения, а вы не будете мне мешать. Договорились?

Леона моргнула, не вполне понимая, о чем это он. Мешать? Каким образом?

– Хотите половину? – продолжал Стефан. – Только не лезьте к моему дракону, он может окончательно озвереть.

Леона задыхнулась от возмущения. Как смеет этот... этот... отвратительный, мерзкий, гадкий тип смеяться над ее проблемами? Или он решил, будто она настолько глупа, что лезет дракону в пасть по своей воле?

К счастью, Эрна уже закончила разговор со ставшим совсем багровым от смущения Клаусом и поспешила к подруге. Иначе перепалка могла закончиться как угодно – от ярости Леона растеряла всю присущую благородной девице любезность.

– Клаус просит разрешения присоединиться к нам на прогулке, – сообщила Эрна, словно не замечая, какими взглядами обмениваются ее подруга и драконоборец. – Позволить ему?

– Если хочешь, – равнодушно бросила Леона. – Только пойдем поскорее, а то здесь дышать нечем.

Эрна удивленно обвела взглядом просторное помещение с высоким потолком и огромными окнами, которыми граф немало гордился, и согласилась:

– Хорошо, не будем задерживаться. А твой новый знакомый тоже составит нам компанию?

– Нет, – отрезала Леона. – У господина Стефана есть дела поважнее.

– Ну почему же? – вмешался сам Стефан. – Я с удовольствием прогуляюсь вместе с вами.

– А я думала, вам надо готовиться к подвигу, – съязвила Леона. – Морально настроиться, наточить меч, присмотреть сумку повместительнее, чтобы сложить все трофеи.

Стефан расхохотался.

– Наточить меч? Присмотреть сумку? Откуда вы набрались столь странных сведений, прекрасная Леона?

– Откуда же мне знать, как положено готовиться к встрече с драконами? Я-то думала всего лишь захватить с собой специй из графских запасов, но это ведь не ваш вариант, не так ли?

– Специи? Вы хотели расправиться с драконом, насыпав ему жгучего перца в глаза?

– О нет, – ехидно ответила Леона. – Я просто подумала, что со стороны обеда будет весьма предусмотрительно захватить с собой приправы. А печь или, скажем, костер дракону не потребуется, у него и свое пламя есть. Правда, удобно?

Эрна и подошедший к ней Клаус внимали пикирующей парочке, разве что не разинув рты. Наконец Эрна не выдержала и сказала:

– Ну сколько можно говорить об этом кошмарном чудище? И вообще, за завтраком говорили, что вчера монстр нигде не объявлялся. Быть может, он улетел?

В ее голосе звучала робкая надежда, но Леону столь захватил спор, что она увидела только повод для очередной шпильки в адрес драконоборца.

– Наверное, чудище прознало о вашем прибытии, господин Стефан, вот и спряталось. Так что сумка для трофеев вам, к сожалению, не понадобится. Или вы намерены отправиться на поиски скрывшегося дракона?

– В данный момент я намерен отравиться на прогулку. Смею напомнить, что ваша подруга любезно меня пригласила. Кстати, прелестная дама, мы ведь не были представлены друг другу? Позвольте исправить столь досадное упущение. Меня зовут Стефан, а вас?

– А меня – Эрна. Мы с Леоной сестры, то есть не совсем сестры... Мы обе родственницы барона Левренского и живем в его замке, потому как барон является нашим опекуном. Ой, наверное, я путано объясняю?

– Вовсе нет, – Стефан обаятельно улыбнулся. – Я все прекрасно понял. Несомненно, вы наделены талантом рассказчицы.

Леона и сама не понимала, отчего ей неприятно видеть зардевшуюся от комплимента Эрну и обхаживавшего ее Стефана. "Да он просто втирается в доверие, вот и все. А глупая Эрна ничего не понимает, она-то привыкла во всех искать только хорошее", – со злостью подумала она.

Все время прогулки Леона сердито молчала. Впрочем, как ей самой казалось, на нее никто не обращал внимания. Вдохновленный внимательными слушателями Клаус расписывал в подробностях, какую щуку ему посчастливилось поймать на днях. Эрна слушала из вежливости, хотя на ее хорошеньком личике и появилось выражение скуки, а Стефан вроде бы заинтересовался и задал Клаусу несколько вопросов. Правда, они больше касались ширины реки, быстроты ее течения и глубины омутов, но Клаус с радостью подробно на все ответил.

– А потом я велел доставить рыбину повару его сиятельства, – размахивая руками, вещал Клаус, – и Манфрид – это мой слуга – божился, что повар несказанно удивился. Ему, мол, никогда не доводилось видеть столь гигантских щук.

Леона, которую щуки вовсе не интересовали, бросала беглые взгляды по сторонам и вскоре увидела кое-что любопытное. А именно – объемистую филейную часть господина барона, торчащую из кустов. Сам Джакоб, видимо, полагал, что надежно укрылся от посторонних взглядов, но острый глаз племянницы разглядел даже блестящую на солнце лысину в капельках пота. Леона осторожно толкнула локтем Эрну.

– Ой! – удивилась та. – А что это дядя здесь делает?

Даже Клаус отвлекся от повествования и с изумлением уставился на обтянутый бархатными штанами филей.

– По-моему, – насмешливо прошептал Стефан, – господин барон сидит в засаде.

– Но на кого? – удивился Клаус. – Кого можно выслеживать в саду господина графа?

Леона невольно улыбнулась при мысли о том, что барон, скорее всего, выслеживал самого Клауса. Вернее, отправителя письма. "Интересно, на кого же подумал дядюшка?" – мелькнула у нее мысль. То, что барон ошибся в личности якобы поклонника баронессы, было очевидно.

Агидиус пребывал в самом дурном настроении. Вот бывают, к примеру, дни, когда все с самого утра идет наперекосяк. Тогда даже тугодуму понятно: ничего хорошего сегодня ждать не приходится, лучше уж сказать больным и не покидать без излишней надобности теплую уютную постель. Но нет, на пробуждение Агидиус пожаловаться не мог. Сон ему снился самый что ни на есть приятный. В нем блестящий рыцарь (а некогда паж господина виконта) одержал на турнире победу и принимал венец из рук наипрекраснейшей дамы. Имя и внешность ее Агидиус не запомнил, но разве это важно? Главное – ему рукоплескали самые важные персоны герцогства во главе с его светлостью. А сынок виконта, противный Берхард, в последнем поединке даже молил бывшего пажа о пощаде! К Берхарду Агидиус питал особую неприязнь, тем слаще оказался вкус победы над постоянно насмехавшимся над ним высокомерным типом. Да и самого виконта паж не жаловал, не говоря уж у госпоже Хильде, виконтессе. Та воспринимала Агидиуса будто личного мальчика на побегушках и постоянно гоняла с разными мелкими поручениями. Разве пристало будущему рыцарю таскать то веер, но корзинку с рукоделием, то томик стихов? У госпожи Хильды имелась отвратительнейшая привычка повсюду забывать свои вещи, но неужели так уж трудно послать за ними служанку? Отчего непременно отправлять за забытым пажа? Агидиус подозревал, что дело здесь в простом желании поиздеваться лишний раз над безответным пареньком.

Да и в целом виконт с виконтессой относились к пажу так, будто он все еще оставался тем мальчиком, который поступил на службу несколько лет назад. Госпожа Хильда и вовсе могла потрепать его по щеке и назвать "славым малышом". Его, будущего рыцаря! А ее прихлебательницы! Нимало не стесняясь присутствия самого Агидиуса, они могли начать обсуждать "хорошенького мальчика". Упоминали, помимо прочего, и нежную шею, и длинные ресницы, и золотые локоны, и алый румянец, будто он был какой-то девицей. Иной раз кто-нибудь из дам даже гладил его по голове, и тогда Агидиус вспыхивал и закусывал от злости губу. Как-то он попробовал поделиться переживаниями с нечаянно найденным в замке приятелем, мальчишкой, состоявшем при графской псарне. Виконт подобную дружбу точно бы не одобрил, ну и пусть. Зато Бруно – так звали парнишку – не взирал на Агидиуса свысока и не стремился поддеть его. К тому же с новым другом было интересно, он знал много такого, о чем юный паж даже не догадывался. Именно Бруно рассказал в свое время, почему дракону нужно предложить красивую невинную девушку, а не скрюченную старуху вроде птичницы Норы. После этого объяснения паж господина виконта заливался краской всякий раз, когда ему случалось увидеть упомянутую птичницу. К счастью, происходило это нечасто. Так вот, Агидиус попробовал пожаловаться другу, но понимания у того не встретил.

– Представляешь, она сегодня назвала меня "милым мальчиком", а потом ущипнула за щеку, будто младенца.

Бруно согнулся пополам от хохота.

– Слушай, ну нельзя ведь быть столь наивным, дружище! Эти престарелые кокетки тискают тебя вовсе не потому, что ты напоминаешь им крохотного ребенка.

– А почему? – искренне удивился Агидиус.

Сам он прекрасно понимал, что белая кожа, золотистые мягкие волосы и изящное телосложение делают его на вид моложе, нежели в действительности, потому и был уверен, что дамы испытывают к нему материнские чувства. Ответ же Бруно поразил несчастного пажа до глубины души. Агидиус пока еще не слишком задумывался о плотской стороне романтических отношений. Вернее, только-только начал о ней задумываться. Разумеется, он знал, чем занимаются мужчина и женщина, оставшись наедине. Более того, несколько раз ему довелось случайно увидеть довольно пикантные сцены. От них юношу бросало в жар, а в низу живота разливалось незнакомое томление. И еще не столь давно пажу приснился необычный сон, постыдный, но зато очень-очень приятный. Хотя в мечтах о будущем рыцарстве Агидиус и видел себя поклонником некой прекрасной дамы, но никогда не представлял себе

ничего, кроме целомудренного касания губами. И теперь узнать, что престарелые приятельницы виконтессы думают о нем такое... такое...

– Да как они смеют! – возмущенно выпалил он.

Бруно опять расхохотался.

– А ты пригляди себе кого-нибудь помоложе и посимпатичнее, – посоветовал он, хлопнув друга по плечу. – Опыт-то получать надо. Вот увидишь, тебе понравится.

Агидиус очень сильно сомневался, что ему понравятся весьма сомнительные утехы с пожилой некрасивой дамой, но слова приятеля его заинтересовали.

– А ты сам... уже, да? – с жадным любопытством спросил он.

Бруно напустил на себя важный вид, погладил подбородок, взъерошил каштановую шевелюру, а потом кивнул.

– И как? А кто она? А ты не боялся? – забросал Агидиус вопросами более опытного товарища.

Было немного неловко от смущения, но очень уж хотелось узнать. Все-таки Бруно лишь немногим старше его самого, наверное, он тоже плохо представлял себе, что делать. Агидиус попробовал вообразить себя с кем-нибудь. Нет, не с дамой из окружения виконтессы (при этой мысли пажа даже передернуло от отвращения), а с хорошенькой молоденькой девицей. Например, с Кларой, личной горничной госпожи Хильды. Или с красивой девушкой, которую он видел в деревне у колодца. Имени красотки Агидиус не знал, но чуть не свалился с лошади, засмотревшись на стройную брюнетку с огромными синими глазами и яркими алыми губами. Но представлялось все равно плохо. Вот он поцеловал девушку, а дальше? Или Бруно подразумевал, что дама сама должна все сделать, раз уж она более опытная? Потому и советовал выбрать не юную невинную девицу?

– Я? Боялся? Еще чего, – высокомерно ответил Бруно. – Все-таки не благородный слюнтяй.

– Это ты о ком сейчас? – обиженно спросил Агидиус.

– Да так, просто к слову пришлось.

Но то ли новоиспеченные друзья плохо еще понимали друг друга, то ли день задался такой, располагающий к ссорам, только свара разгорелась в итоге нешуточная. Агидиус обозвал приятеля задавакой, на что услышал, что сам он – изнеженный типчик, ничего не понимающий в настоящей жизни. Разругались друзья знатно, а примириться сразу не удалось, поскольку паж срочно потребовался госпоже виконтессе. Натянута улыбаясь, Агидиус сбежал за очередной потребовавшейся хозяйке безделицей, выслушал жалобы на головную боль из-за духоты от госпожи Хильды и несколько слащавых комплиментов от одной надоедливой престарелой дамы и с трудом дождался, пока его отпустили. Искать подлого предателя Бруно не хотелось. Юноша пошел в сад, втайне питая надежду, что бывший – точно-точно бывший! – друг сам отыщет его и первым предложит мир. Тогда Агидиус, так уж и быть, великодушно простит приятеля.

Время шло, помощник псаря не показывался, хотя паж специально выбирал для прогулки те глухие уголки, где парнишки прежде любили секретничать. Зато вскоре юноша заметил, что он вовсе не одинок, как предполагал. Пригибаясь пониже к земле, за ним тенью следовал барон Левренский. Быть может, преследователю и удалось бы остаться незамеченным, вот только где-то через полчаса энергичной ходьбы на полусогнутых он принялся пыхтеть. Удивленный соседством, паж остановился, а затем и присел на скамейку. Барон затаился в кустах. "Зачем это я ему понадобился?" – озадачился Агидиус. Увлеченный загадкой, он даже на время позабыл о ссоре с другом, но тут Бруно сам показался из-за угла приземистого строения.

– Тебе велели передать, – хмуро сказал он и сунул в руку приятелю сложенный лист бумаги.

Паж с разочарованием отметил, что Бруно пришел вовсе не с целью помириться.

– Постой, кто передал? Зачем?

– Кому надо, тот и передал, – буркнул Бруно и поспешил удалиться.

Агидиус развернул послание и увидел небрежно нарисованную ромашку. Повертел странную записку так и этак, посмотрел на свет, поднес к глазам поближе в поиске тайных знаков. Ничего не изменилось. На бумаге по-прежнему красовалась ромашка с неровными лепестками. "Наверное, Бруно просто выдумал предлог, чтобы подойти", – подумал юноша, свернул записку и сунул за пояс. Настроение стремительно улучшалось, и день уже не казался таким неудачным.

Глава седьмая

– Могу ли я переговорить с вами, ваше сиятельство?

"Ну что за неудачный день", – подумал Эгон, поворачиваясь к драконоборцу. Стефан отыскал графа у псарни. Эгон как раз собирался провести любимую борзую и хоть ненадолго забыть о свалившихся на него проблемах, но не тут-то было.

– Да, разумеется. Так о чем вы хотели поговорить?

Стефан удивленно посмотрел на графа.

– О драконе, конечно же.

– Он не показывается вот уже второй день, – сообщил Эгон.

– Да, я знаю. Потому-то я хотел бы взглянуть на карты графства.

– На карты?

– Я подумал, что дракон может укрыться где-нибудь на территории графства. Стало быть, мой долг – выследить его и вызвать на бой.

"Только этого мне не хватало", – в панике промелькнуло в голове у Эгона. Виски нещадно заломило, и он потер их пальцами, силясь собраться с мыслями и придумать подходящий ответ. Как назло, в голове будто бы гудел рой рассерженных пчел, не давая сосредоточиться.

– Быть может, не стоит торопиться? Подождем еще несколько дней, дракон и объявится. Разве вам охота лазить по чащобам?

Стефан удивленно посмотрел на графа.

– Но ведь это и есть мое задание. Вы сами наняли меня.

– Убить дракона, да, – согласился Эгон. – Убить дракона, а не исследовать мое графство.

Разница, по-моему, очевидна.

Вид у драконоборца стал столь озадаченным, будто бы его собеседник сам обратился чудищем. "Вот теперь я понимаю Отто, – подумал граф. – Отто! Вот кто мне нужен!" И с облегчением сказал:

– Давайте вернемся в замок. Вы переговорите с моим секретарем. Отто – парень толковый, он вам все расскажет.

– Хорошо, – несколько растерянно откликнулся Стефан. – Как пожелаете.

– Зачем ты передала этому мальчику рисунок, Леона?

Воспитанницы барона вернулись в свою комнату, чтобы переодеться к обеду. Поскольку дядюшка и не подумал захватить для них хотя бы одну горничную, девушкам пришлось довольствоваться помощью той служанки, которую выделил управляющий. Девушка была не совсем расторопной, вот и сейчас задерживалась. Зато подслушивать и рыскать по чужим вещам она не любила, так что обиженными себя подруги не считали. Лучше уж медлительная особа, чем шустрая пронира.

– А чтобы дядюшка увидел, как паж получил таинственную записку, – отозвалась Леона, устроившаяся в кресле самым неподобающим для благовоспитанной девы образом – перекинув ноги через подлокотник и упираясь ими в стену.

– Думаешь, он решит, будто записку написала тетушка Юта?

– Это если нам сильно повезет. Но в любом случае мы заставили дядю задуматься. Теперь он будет выслеживать этого Агидиуса и меньше станет уделять нам внимания.

– Знаешь, я сомневалась, что у нас получится, – заметила Эрна и выбрала из вазы с фруктами сочный персик. – Но дядюшка все-таки клюнул.

Леона подозрительно уставилась на подругу.

– Мне кажется, что сегодня ты слишком много общалась с Клаусом. Даже выражаешься как он. Признавайся, он тебе нравится?

Эрна едва не поперхнулась.

– Нет, вовсе нет, – возразила она, проглотив откушенный кусочек. – Он очень милый, не спорю, но какой же скучный. Боги, да я едва не заснула сегодня под его рассказы. Не хорошо с моей стороны так отзываться о нем, ведь он, похоже, всерьез увлекся. Но что поделать, если выслушивать целыми днями рассказы о рыбалке и охоте нестерпимо.

– А разве сегодня он не осчастливил тебя очередной балладой?

– Сонетом, – поправила Эрна. – Сегодня был сонет.

– Любопытно. А прочти-ка мне его, – попросила Леона.

Эрна вытянула из-за пояса лист бумаги, развернула его и с чувством принялась читать:

– Глаза моей любимой – будто тина,

Что затила зеркало пруда,

А губы – как чудесная картина,

Прелестнее не видел никогда.

А прядь ее волос мой взор туманит,

Зовет, благоухает и манит...

– Довольно, – задыхаясь от смеха, простонала Леона. – Я уже поняла, что сей шедевр поэтической мысли нам подойдет. Только скажи, там твое имя нигде не упоминается? Что-нибудь вроде "Эрны прекрасной вдохновляют стихи"?

Покрасневшая Эрна покачала головой.

– Нет, один раз Клаус назвал меня богиней, вот и все. Ты хочешь подсунуть это письмо в комнату дяди и тети?

– Верно. Полагаю, дядюшку оно порадует гораздо меньше, чем меня. Но лишить его наслаждения поэтическим дарованием нашего знакомого я никак не могу.

– Ой, Леона, – внезапно забеспокоилась Эрна, – а господин барон ничего не сделает этому бедному мальчику? Я боюсь за него. Ведь он-то ни в чем не виноват.

Леона задумалась, а потом решительно ответила:

– Нет, не думаю. Все-таки паж находится под покровительством виконта. Наш дядя побоится вызвать гнев столь влиятельного господина. Заметила, как госпожа Юта заискивает и лебезит перед виконтессой?

– А мне они совсем не нравятся, виконт и его супруга, – потупившись, призналась Эрна. – Он вечно норовит погладить меня по руке, а ладони у него постоянно потные – фу! А она презрительно фыркает, как только меня увидит. И смотрит потом, как на пустое место.

– Не обращай на нее внимания, – посоветовала подруге Леона. – А виконт как-то сделал вид, будто пытается помочь мне спуститься по лестнице. Мол, спуск слишком крутой, я могу упасть, поэтому он поддержит меня. Вот и подхватил чуть пониже талии.

– А ты что?

– А я покачнулась, как будто падаю. А потом со всей силы наступила ему каблуком на ногу. А на виконте как раз были мягкие бальные туфли, он уже успел переодеться к ужину. Будь он в сапогах для верховой езды, получилось бы хуже. А так он только охнул, мигом отпустил меня и заскакал на одной ноге вниз. И даже крутой спуск его не смутил. А потом еще весь вечер прихрамывал. Больше виконт мне своим вниманием не досаждал.

– Отлично придумала, – восхищенно и немного завистливо сказала Эрна. – Жаль, я так не смогу.

Леона с сочувствием посмотрела на подругу. Та говорила правду. Воспитание госпожи Юты принесло свои плоды, и Эрна краснела, бледнела, мялась, но не смела не то, что возразить тем, кто стоял выше ее в силу возраста или титула, но даже озвучить собственное мнение. Хорошо еще, что она попала в графский замок, где осознала свою привлекательность и ощутила хоть какую-то уверенность в себе. А ведь когда Леона познакомилась с родственницей, та была совсем робким созданием, едва слышно лепетавшим односложные ответы на обра-

ценные к ней вопросы и не поднимающим взгляда. Лишь узнав Эрну поближе, новая подруга смогла по достоинству оценить ее доброе сердце, мягкий нрав и неожиданно острый ум. Самой Эрне редко приходили в голову какие-либо идеи, зато все задумки Леоны она понимала почти мгновенно. И постепенно, незаметно для самой себя, набиралась от нее смелости, понемногу меняясь.

– У нас сложная ситуация, – свистящим шепотом сообщил граф секретарю.

Отто быстро огляделся и тихо спросил:

– Что на сей раз, ваше сиятельство? Новых жалоб от крестьян на дракона не поступало, посыльных от его светлости тоже не было. Что же могло стрястись?

– Он желает сам разыскать дракона! – трагически возвестил Эгон.

Смышленный секретарь сразу же понял, о ком идет речь.

– Стефан?

– Он самый. Просит показать ему карты графства. Скоро он будет здесь. И что мы станем ему говорить?

– Может, покажем? – неуверенно предложил Отто. – Пусть посмотрит, построит планы.

– А потом отправится на поиски, – кисло заключил граф. – Ты ведь его видел, Отто. Весьма и весьма энергичный молодой человек.

Секретарь замялся, несколько раз сплел и расплел в волнении пальцы, а потом все-таки выпалил:

– А как насчет несчастного случая?

– С ума сошел? – возмутился Эгон. – Захотел выяснить, как устроена герцогская темница изнутри? А потом совершить увлекательную прогулку до эшафота? Наберешься незабываемых впечатлений. Хватит на весь недолгий остаток жизни.

– Я не о драконоборце, – быстро произнес Отто. – Ваше сиятельство, да как вы только подумать могли?

– А о ком? О драконе, что ли? – съехидничал граф. – Страшно даже представить, что ожидает нас в таком случае.

Секретарь задумался, но потом с сожалением покачал головой.

– Мысль хорошая, но неосуществимая. Я говорю о картах, ваше сиятельство.

– Так, а теперь подробнее, – заинтересовался Эгон.

– Можно опрокинуть на карту кубок с вином, например. Тогда на ней будет изображено только огромное озеро. Багровое.

– А мы останемся без карты, – уныло заметил граф. – И придется платить за новую. А наша казна и без того несет непредвиденные расходы благодаря дракону, чтоб он себе крылья занозил.

– Да, об этом я не подумал, – признался секретарь.

– А мне кажется, я нашел выход, – внезапно воодушевился Эгон. – Надо дать нашему драконоборцу сопровождающего.

Привычная смекалка отказала Отто.

– Но зачем? Ведь наша задача – помешать Стефану. Или вы хотите, чтобы сопровождающий завел рыцаря в непролазную чащу? Пожалуй, задумка неплохая. Главное, чтобы драконоборец не столкнулся в лесу с настоящей опасностью. С медведем там или с диким вепрем. А так ничего страшного не случится. Поплутают по лесу пару дней и выйдут. С голоду не помрут: грибы имеются в изобилии, дичь какая-никакая, опять же. Надо только позволить сопровождающему лук с собой взять, а то неизвестно еще, насколько наш драконоборец хорошо охотится. Одно дело – с соколами да собаками, а иное...

– Отто!

Но секретарь, увлекшись, развивал свою мысль:

– Потом, конечно, придется подвергнуть бедолагу сопровождающего публичной порке. Или демонстративно кинуть его в темницу? Как бы вам получше продемонстрировать свою досаду и гнев, ваше сиятельство? Мол, вроде бы толкового парня дали, а оно вон как все обернулось. Ничего, заплатим побольше, так можно будет и кнут, и темницу, и все, чтобы господин драконоборец доволен остался. Если выберем парня победнее, так он еще и благодарить нас будет. Всем богам хвалу вознесет.

– Отто! – теряя терпение, воскликнул граф. – Я хотел, собственно, сказать, что сопровождать драконоборца будешь ты. И твоя главная задача – не допустить, чтобы он встретился с драконом.

Лицо секретаря недоуменно вытянулось, рот приоткрылся. Несколько раз моргнув, Отто все-таки взял себя в руки и спросил:

– И что я должен буду сделать?

– Зачем мне ваш секретарь? – недоуменно спросил Стефан.

– Отто неплохо знает окрестности, – терпеливо повторил Эгон. – Он будет сопровождать вас и следить, чтобы вы не заплутали. Помогать вам, наконец.

Драконоборец в очередной раз взглянул на секретаря, будто ожидая обнаружить в том внезапные перемены. Но нет, Отто не вырос, не стал шире в плечах, а несколько мелких темных веснушек и не подумали покинуть его нос. Секретарь по-прежнему выглядел моложе своих лет, едва ли не мальчишкой. Подмога драконоборцу? Этот хлюпик?

– Ваше сиятельство, пожалуй, я откажусь от помощи.

Эгон хлопнул по столу ладонью.

– Этот вопрос закрыт, господин Стефан. Вы – мой гость, следовательно, я в ответе за вашу безопасность.

– Не гость, а наемный работник, – поправил рыцарь.

– Тем более! – вскипел граф. – В таком случае вы просто обязаны подчиняться моим приказам.

– Господин драконоборец, я буду вам полезен, – вкрадчиво вступил Отто, пока Стефан не успел взорваться и накричать на графа в ответ. – Вот увидите. Я вырос здесь, в замке. В детстве часто бегал с друзьями в лес и на реку. Умею отличать съедобные грибы от ядовитых, свежевать кроликов и знаю травы, из которых получается бодрящий отвар. Вы не пожалеете, если возьмете меня с собой.

– А что вы станете делать, когда мы наконец-то найдем дракона? – ехидно осведомился Стефан. – Полезете в бой?

– Ни в коем случае! – замахал руками Отто. – Да что я, совсем ничего не понимаю? Я не собираюсь вам мешать сражаться с монстром, господин драконоборец. Вот увидите, я сразу же спрячусь как следует. И не волнуйтесь, на долю добычи я претендовать не намерен.

– Вот об этом я вовсе не переживаю. Даже готов отдать вам долю – в пределах разумного, конечно – лишь бы вы не мешались у меня под ногами во время схватки.

– Уверяю вас, у меня нет ни малейшего желания сражаться с драконом. Я реально оцениваю свои возможности, господин Стефан.

– Хорошо, – согласился драконоборец. – Раз уж вы обещаете держаться от чудовища подальше, то можно начинать подготовку к походу. Когда выступаем? Предлагаю завтра на рассвете.

Но и граф, и секретарь уставились на него так, будто он сказал нечто в высшей степени неожиданное. Например, предложил устроить попойку в храме или молебен в кабаке.

– Что-то не так?

– Мы не сумеем подготовиться за столь короткий срок, – трагическим голосом возвестил Отто. – Я должен посидеть над картами, составить маршрут. Отдать распоряжение повару,

чтобы приготовил нам припасы. Проверить, чтобы дела его сиятельства находились в абсолютном порядке. Понимаете, я ведь подвергаю себя опасности и должен позаботиться, чтобы мой, не дай боги, преемник смог быстро во всем разобраться.

– Вы ведь пообещали мне держаться в стороне от дракона, – нахмурился Стефан.

– Не сомневайтесь в моем благоразумии, господин. Однако же я должен все предусмотреть, просто на всякий случай.

– Отто прав, – вмешался Эгон. – Хороший секретарь – он, знаете ли, на вес золота. С бриллиантовой инкрустацией.

Стефана столь поразило то, что ему навязали в сопровождающие такое сокровище, что он даже не нашелся с возражениями. Поход на поиски дракона пришлось отложить на несколько дней.

Задыхаясь от гнева, барон Левренский разорвал на мелкие клочки обнаруженное им в комнате новое послание. Определенно, мальчишка нуждается в хорошей взбучке! Вот только как бы подстроить ему какую-нибудь пакость таким образом, чтобы не вызвать недовольство виконта? Над этим следовало хорошенько поразмыслить.

– Тина зеленого цвета, недоумок! – громко сказал барон, чтобы хоть как-то выплеснуть злость. – Или буро-зеленого, наконец! Нечего писать о том, в чем не разбираешься.

Но он прекрасно понимал, что пажа вряд ли интересовал подлинный цвет глаз Юты. Вот стоимость ее драгоценностей – дело иное. А в своих стишатах нахал просто использовал первые пришедшие ему в голову сравнения. Надо заметить, фантазия у него была довольно скудная. Вот уже во втором послании упоминался все тот же злосчастный пруд. Ну как только Юта могла купиться на такую чепуху?

Барон бросил обрывки письма на пол, а потом принялся в ярости топтать их ногами, представляя, будто топчется по дерзкому пажу. Нанеся шерстяному коврику графа несколько особо сильных ударов каблуками, Джакоб опомнился и кинулся собирать бумажные клочки. Не хватало еще, чтобы остатки сочинения Агидиуса подобрала горничная. Вот тогда точно по замку пойдут гулять сплетни.

Джакоб вспомнил сцену в саду, свидетелем которой он стал. Пажу передали записку, которую тот долго и внимательно читал, а потом поднес поближе к лицу и даже, кажется, поцеловал. Утешало лишь то, что написала послание явно не госпожа баронесса. Во всяком случае, Джакоб никак не мог представить себе желающего прижаться губами к строчкам, вышедшим из-под пера его благоверной. Следовательно, у пажа имеется возлюбленная! Настоящая, а не глупая гусыня, которую мальчишка намерен ощипать. Барон дернул носом, точно собака, учуявшая запах лакомства. И как только он раньше не подумал? Необходимо узнать имя той особы, от которой получает письма наглец, а потом... А потом барон решит, что ему следует делать.

Главная трудность заключалась в том, что следить за Агидиусом было неудобно. Очень неудобно. И накладно. После долгого отсиживания в кустах вещи барона не то, чтобы пришли в негодность – нет, рачительный хозяин никогда ничего не выбросит просто так – но несколько потеряли должный вид. Да и бегать за быстроногим пажом тоже представлялось теперь Джакобу удовольствием сомнительным. Следовало привлечь к слежке кого-нибудь еще, само собой, без объяснения причин. "Золото, – подумал барон, – зачастую поясняет все куда как лучше, нежели слова". Лучник, без вопросов согласившийся выстрелить в Леону, служил замечательным подтверждением сей здоровой мысли. Теперь же требовалось найти помощника, который согласился бы последить несколько дней за Агидиусом и не запросил бы слишком большую плату. Барону жаль было расставаться даже с небольшой суммой, но пущенная на самотек ситуация грозила обернуться куда более весомыми потерями. Потому-то барон, скрепя сердце, вытащил из кошелька несколько монет и отправился на поиски. Одну подходя-

щую кандидатуру он уже приглядел, дело теперь обстояло за малым – договориться с выбранным парнем. Мысль о том, что кандидат в шпионы может отказаться от золота, Джакобу даже в голову не пришла. Он всегда твердо верил, что подобных людей просто не существует. А если кто-то и отвечает отказом, то это, несомненно, просто из желания набить себе цену.

– Проследить за пажом? – переспросил Бруно, вприщур разглядывая барона.

– Да, выяснить, с кем он встречается, о чем разговаривает, кому пишет записки. Что здесь непонятного? – барон начал сердиться. – Узнаешь и расскажешь мне.

Бруно подумал, надув щеки, а потом протянул грязную ладонь и сказал:

– Задаток!

Джакоб заколебался. Осторожность и жадность подняли головы в его душе. А вдруг парнишка получит сейчас монету, а потом не станет выполнять условия сделки? И останется барон и без сведений, и без денег.

– Никакого задатка, – твердо сказал он. – Вот как все выяснишь, так и получишь деньги.

– Так не пойдет, – пробурчал помощник псая. – А если вы меня обманете?

Барон даже задохнулся от возмущения.

– Ты! Да ты! Да как ты только смеешь подвергать сомнению слово человека благородного! Смерд! Да я тебя!

Но гнев представителя знати не произвел на Бруно никакого впечатления. Паршивец пользовался покровительством графа и был прекрасно осведомлен о том, что барон над ним никакой власти не имеет.

– Ра вы не хотите платить, то я, пожалуй, пойду. А то его сиятельство желали сегодня борзыми полюбоваться. Надо бы подготовить все.

И юный негодник действительно развернулся и пошел к псарням.

– Стой! – заполошно закричал ему вслед барон. – Стой, кому говорю! Будет тебе задаток!

Когда шельмец вернулся, на его плутоватой физиономии было написано такое довольство собой, что барону стоило немалых усилий сдержаться и не отвесить Бруно хорошенького пинка.

– Вот и славно, – заявил пакостник, пряча полученную монету. – А теперь излагайте поподробнее, чего вы там разнюхать хотите. Уж не сомневайтесь, я все для вас разузнаю.

Глава восьмая

В сумерках грузную фигуру барона различить можно было с трудом, но Леона, пристально вглядывавшаяся в глубину аллеи, ухитрилась не пропустить момент его появления.

– А вот и дядя, – сообщила она Эрне. – Пойдем, пора изображать из себя послушных благодетельных паинек.

Эрна подхватила стоящую у ее ног корзинку с вышиванием и припустила ко входу в замок. Леона последовала за ней. И в дверях столкнулась с новым знакомым.

– Опять вы!

Падавшего из холла света ей хватило, чтобы заметить, насколько мрачное у драконоборца выражение лица. Похоже, что-то всерьез расстроило его.

– Что-то случилось? – участливо поинтересовалась она.

Не то, чтобы его проблемы беспокоили ее. Нет, вовсе нет. Но надо ведь быть в курсе всего происходящего, не так ли?

– Случилось! – раздраженно рявкнул Стефан. – Много чего случилось! А кое-что, наоборот, никак не случится!

Леона в недоумении похлопала ресницами.

– Простите, о чем вы?

– О ком! О челяди господина графа! Секретарю срочно надо разобрать какие-то письма, у повара нет окорока подходящего размера, да и сыр еще не вызрел, даже у оружейника нашлись какие-то отговорки. У меня такое чувство, будто все вокруг нарочно тянут время.

Столь странный ответ совсем ничего не пояснил, и Леона осмелилась переспросить:

– И все же, что произошло?

Рыцарь глубоко вздохнул и сказал:

– Дело в том, что я собираюсь на поиски дракона.

– Ой! Как замечательно! – искренне обрадовалась Леона.

Действительно, если Стефан сам найдет и убьет дракона, то она не будет виновата, что не сдержала данное дядюшке слово. Барон запретил разговаривать с графом? Так она к его сиятельству даже не подходила. А если у дяди будут претензии к драконоборцу, то пусть ему их и озвучивает. Леона-то за него ответ не несет. А отослать домой Эрну барон не сможет, ведь воспитанницы не нарушали его указов.

– Вы не дослушали, – укорил Стефан. – Дело в том, что все – все! – пытаются меня задержать. К кому бы я ни обратился, слышу только отговорки и просьбы прийти чуть позже. У меня есть подозрение, что меня нарочно пытаются задержать в замке.

– Но зачем? – удивленно спросила Леона. – Ведь граф заинтересован в том, чтобы вы убили дракона. Или у него нет денег на вознаграждение?

Драконоборец невесело усмехнулся.

– Не думаю. Я запросил не так уж и много, а хозяин наш, судя по всему, весьма богат. Нет, здесь дело в чем-то ином. И я твердо намерен разгадать эту загадку.

– Будете шпионить за графом? – тут же предположила Леона, вспомнив дядюшку.

Но Стефан посмотрел на нее с досадой и недоумением.

– Шпионить? Я? Простите, но подобные грязные намеки даже от столь очаровательной юной дамы...

Леона не успела ни дослушать его фразу, ни объяснить, что вовсе не хотела его оскорбить. Потому что как раз в этот момент барон добрался до замка и увидел беседующую с драконоборцем племянницу.

– Леона! Что ты здесь делаешь? Иди за мной, мне нужно с тобой поговорить. Простите, господин... не припоминаю вашего имени, вроде бы я не имел чести быть вам представлен-

ным, но я вынужден прервать вашу беседу с моей племянницей. У Леоны хрупкое здоровье, ей нельзя находиться вечером на свежем воздухе. Да-да, именно так. Леона, ступай за мной немедленно!

– Да, господин барон, – кисло отозвалась Леона, бросила на Стефана извиняющийся взгляд и поплелась следом за дядюшкой.

Агидиус в очередной раз вытащил из-за пояса странное послание и развернул его. Вопреки всем ожиданиям, Бруно не стремился к примирению, а к вечеру и вовсе куда-то пропал. Похоже, ромашка – просто глупая шутка бывшего друга. Или – тут сердце пажарадостно встрепенулось – какой-то шифр? Впрочем, нет. Откуда бы помощнику псая знать тайнопись? Да и зачем рисовать дурацкий цветок, если можно просто подойти и поговорить? Со вздохом Агидиус сложил листок. Надо было бы его выбросить, но что-то не позволяло пажу сделать это.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.